

Владимир Михайлович Жариков

***Парадокс
Вигнера-2***

научная фантастика

мистика

шпионский детектив

альтернативная история

Владимир Михайлович Жариков

Парадокс Вигнера – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43312749

ISBN 9785005013095

Аннотация

Ночью в квартиру генетика проникает страшное существо, испугавшись, он умирает от инфаркта. В России действует секретная лаборатория по выращиванию киборгов-силанов, куда пригласили на работу врача-реаниматолога и профессора МГУ, проводившего опыты с мистическим пациентом. За исследованиями лаборатории охотится ЦРУ, ему противостоит ФСБ. В XVI веке донские казаки громят войско крымского хана, овладевают крепостью Азов. Эти параллельные линии сюжета переплетаются в самых неожиданных местах.

Содержание

Пролог	5
Операция «Укус каймана дубль»	19
Секретный объект	68
Поход на Азов	114
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Парадокс Вигнера – 2

**Владимир
Михайлович Жариков**

© Владимир Михайлович Жариков, 2019

ISBN 978-5-0050-1309-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-1310-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Каждый раз, выезжая на рыбалку с ведущим генетиком Николаем Трофимовичем Соболевым, потомственный егерь национального заповедника «Завидово» Максим Расков с гордостью пересказывал краткую историю этого элитного охотничьего раздолья. Дед Максима служил здесь охотоведом со времён Сталина и Хрущёва, а отец егерем, но уже у Брежнева. Расков после строительства в Завидово секретной лаборатории был прикомандирован к этому объекту, чтобы обеспечивать светилам науки полноценный досуг. Территория национального парка хорошо охранялась, включая современные спутниковые системы слежения, и может быть поэтому, решили строить эту секретную лабораторию в национальном парке Завидово.

Главный корпус и жилая зона были обнесены бетонным забором, как Центральная база и «подключены» к имеющейся охране Завидово. Учёные и специалисты проживали в длинном двенадцатиэтажном доме и в свободное от работы время могли в сопровождении егерей охотиться, рыбачить, собирать ягоды и грибы. Многие из них увлекались и охотой, и рыбалкой, большинство были заядлыми грибниками. Профессия учёного, писателя либо журналиста имеет общую характерность – у мозга её представителей не бывает выходного дня. Покидая лабораторию, редакцию или пись-

менный стол, эти люди не прекращают творческого процесса мышления, додумывая истины своих экспериментов, планируя опыты и условия исследований. Писатели продолжают сочинять свои романы, журналисты статьи и репортажи. Но если в свободное от работы время заняться хобби, мозг быстро отключается от профессионального мышления и отдыхает.

Поэтому руководство проекта заранее побеспокоилось о досуге научного контингента, размещая лабораторию заповеднике. Давно известно, что озарение у представителей этой профессии происходит после того, как они надолго отключаются от решения научных проблем. Николаю Трофимовичу было уже за пятьдесят и когда его пригласили на работу в группу генетиков секретного, закрытого объекта, он прыгал от радости. Здесь была перспектива для него, как учёного, а зарплата отличалась от прежнего уровня в несколько раз. Николай Трофимович был благодарен академику Журавлёву, позаботившемуся о нём по старой дружбе. А хобби Соболева, рыбалка и сбор грибов, делали его жизнь счастливой и радостной. В выходные он с удовольствием выезжал на своей машине в сопровождении Максима на реки и озёра Завидово. А осенью пешком бродил по живописным лесочкам заповедника, собирая грибы.

На каждой рыбалке, потомственный егеря неоднократно и с удовольствием рассказывал Николаю Трофимовичу разные курьёзные случаи, происходившие на охоте Леонида

Ильича Брежнева. А когда приходилось ночевать у реки или озера, то сидя у костра, Расков любил вспоминать о мистических появлениях в лесных чащобах леших, кровожадных оборотней и даже отрядов татар-кочевников. Он с полной серьёзностью убеждал Соболева о наличии временного портала в том месте, где когда-то для царя Ивана Грозного соорудили первый охотничий шалаш. По рассказам Максима именно там пропадали люди, и однажды из болота появился взвод гитлеровцев в полной экипировке. Сам егерь не видел подобного, ему, якобы, рассказывали об этом прослужившие всю жизнь в Завидово охотоведы, которым, по мнению Раскова, можно верить, такие люди лгать не будут.

Николай Трофимович вёл себя тактично, не перебивал рассказчика и даже не возражал, как учёный, отвергающий мистику. Дослушав небылицу до конца, он широко улыбался и всем своим видом показывал, это его забавляет, но несколько не страшит. Дескать, в жизни всякое бывает, и поэтому он не будет опровергать нелепые факты каким-либо научным обоснованием. Но в прошлом году летом, на рыбалке с ночёвкой, он сам услышал рык неизвестного хищника, доносившийся со стороны болота, удалённого приблизительно на десяток километров от рыбаков. Очевидно, так не рычат медведи, а тем паче волки, да и звук доносился издали, но слышался отчётливо.

Создавалось впечатление, будто зверь этот находится совсем рядом от места, где расположились на ночлег Соболев

с Расковым. Рык казался реальным, и доносящимся, как чудилось из-за горизонта, где находятся непроходимые болота. Но можно ли так громко рычать? Соболев встревожился не на шутку, а егерь вполголоса предупредил – это рычит страшный оборотень. Вернувшись с выходных, Николай Трофимович долго не мог найти объяснение услышанному. Решив проверить мистику косвенным способом, учёный направил запрос командиру подразделения Национальной гвардии, с требованием подтвердить или опровергнуть все случаи исчезновения людей в истории заповедника Завидово. Запросы, касающиеся безопасности, могли подавать все работники лаборатории, и служба охраны обязана официально на них ответить.

Каково же было удивление Соболева, когда в полученном ответе подтвердились все случаи исчезновения егерей, охотников и местных жителей, о которых рассказывал Расков? Это произвело на учёного сильное впечатление, и попытки объяснить рык, услышанный у костра, не покидали его. Можно, конечно, предположить, все пропавшие люди утонули в болоте, но как связать пугающие находки в местах их исчезновения? Всякий раз, когда проводили поиск пропавших, обнаруживали их личные вещи, будто бы случайно оброненные ими. Но почему несколько человек, пропавших в разные даты, теряли их в одном и том же месте? А некоторые случаи указывали на трагическую гибель пропавших – на стволах деревьев обнаруживали остатки окровавленной одежды.

Зима и ранняя весна для Соболева – мёртвый сезон, он не любил подлёдного лова, а на обыкновенную рыбалку было ещё рано, грибов в это время тоже нет. Зато ожидание весны с поездками к рекам и озёрам иногда приятнее самого события и генетик скучал в выходные, просиживая у телевизора. Унылое настроение постоянно преследовало его в мёртвый сезон, а мечты о предстоящих рыбалках и ранних грибах, позволяли бороться с депрессией. Единственный сын Соболева давно покинул родительский дом, жил и работал в Петербурге, и изредка навещал стариков. Супруга Дарья Петровна, не имея постоянной занятости, хлопотала по хозяйству дома. Хорошо, что её хобби кулинария придавала ей смысл существования. К каждому появлению мужа с работы, она готовила изысканное блюдо, и торжественно объявляла его перед тем, как подать на стол.

В пятницу, когда поздно вечером Николай Трофимович вернулся с работы, жена объявила свой следующий кулинарный шедевр – фрикадельки из копчёного лосося с салатом авокадо. На десерт она приготовила пирог из замороженной клубники. Супруга всегда кормила Соболева в просторной гостиной, обставленной современной мебелью. Низкий широкий столик рядом с диваном служил скатертью-самобранкой, уставленной тарелками. Николай Трофимович занимал место на диване, а Дарья Петровна в кресле, стоящем с торца. Поблагодарив супругу за ужин, Соболев оставался сидеть на прежнем месте, включал пультом плазменную панель

телевизора, и погружался в размышления, попутно взирая на экран. И такой ритуал происходил ежедневно, после ужина у каждого супруга свои дела.

Как правило, Дарья Петровна старалась не мешать мужу. Женщина уходила сначала на кухню, и, перебив посуду, уединялась в кабинете, включала компьютер и искала в Интернете рецепт нового блюда. Утром на завтрак женщина должна была удивить супруга новым своим изысканием. Николай Трофимович иногда засыпал на диване, а жена тихо укрывала его пледом, чтобы не разбудить. Так он спал, пока сам не просыпался среди ночи и не уходил на супружеское ложе. В тот вечер Соболев неожиданно для себя вновь попытался понять причины исчезновения людей в заповеднике и осмыслить, кто бы действительно мог издавать таинственный рык на болотах? Телевизор не отвлекал внимания, Соболев машинально время от времени поглядывал на плазменную панель. Она висела на простенке между дверью на лоджию и широким оконным проёмом, гармонирующим с ней в современном стиле – до самого пола. В свете уличного прожектора моросил мелкий дождь, навевая осеннее настроение и дрему.

Окно и дверь на лоджию были зашторены неплотными гардинами, слегка просвечивающимися от мощных прожекторов освещения территории двора, установленных по периметру жилой зоны. Служба безопасности просматривала каждый уголок видеонаблюдением, камеры были установле-

ны в подземном гараже, у каждого входа и на лестничных площадках. Для внешнего обзора, на каждой мачте прожектора имелись наружные видеокамеры. В вестибюле подъезда дежурили двое охранников-консьержей, и они отвечали за безопасность всех квартир. В случае нештатных ситуаций, нажатием тревожной кнопки, вызывали оперативников и те уже разбирались с нарушением инструкций секретности. Каждая семья, проживавшая здесь, привыкла к такому режиму, чувствуя себя в полной безопасности, не обращала внимания на служебные действия сотрудников ФСО.

Николай Трофимович просидел в раздумьях чуть меньше часа, и задремал. Неожиданно он очнулся от лёгкого сна, и им тут же овладела необъяснимая тревога. Что беспокоило? Он и сам себе не мог это объяснить. Рык на болотах? Нет! Пропажи людей в заповеднике? Вряд ли! Что, тогда? Николай Трофимович взял в руки пульт телевизора и выключил его, однако сам не понимая, почему не отрывал взгляда с просвечивающихся до самого пола гардин. Они светились от прожекторов, как плазменная панель телевизора слегка красноватым отсветом. Неожиданно Соболеву померещилось невероятное – на просвечивающейся шторе появилась тень. Похоже, невысокий человек, почти карлик некоторое время завис на перилах лоджии в странной, неестественной позе. Тень чётко копировала действительность, и напоминала больше обезьяну, а не человека. Особь была низкорослой и как будто повисла сначала на перилах,

а затем изловчившись, села на поручень, свесив непропорционально длинные ноги.

Но ведь квартира находится на девятом этаже, вряд ли можно влезть на лоджию с улицы? Николай Трофимович протёр глаза, но видение не исчезало. Нахлынувшая пятью минутами ранее тревога только усиливалась. Вскоре он почувствовал оцепенение и будто зомби молча рассматривал тень на гардине. Она недолго сидела на перилах, спрыгнула, и Соболев чётко услышал шлепок, характерный звук касания босых ног с бетонным полом лоджии. Сделав несколько шагов на задних лапах, «обезьяна» быстро открыла дверь. Отодвинула портьеру... и взору Николая Трофимовича представилось страшное чудовище. Его вылупленные глаза напоминали шары с чёрными зрачками внутри, они горели синеватым сиянием, а рот оскалился зубами. Это была не обезьяна и не человек, а похожее на вурдалака существо. Оно тяжело дышало с хрипом, пуская изо рта хлопья пены.

Ноги существа, как продолжение туловища без ягодиц, были похожи на руки, на каждой конечности по четыре пальца непомерной длины с такими же когтями. Морда чудовища ужасная, его широкий рот обнажал в страшном оскале жёлтые зубы, глаза не имели ресниц и бровей, голова лысая. Шкура, сморщенная у локтей и колен, а также на животе, казалось одеждой большего, чем надо размера. У существа на теле отсутствовал волосяной покров. Оно способно быстро передвигаться как на двоих, так и на четырёх конечно-

стях. Отодвинув шторы, вурдалак опустился на четвереньки и прыгнул вперёд. Он хрипел и злобно скалился.

– Я-ша-а-а! – закричал в ужасе Николай Трофимович, всматриваясь в светящуюся синеватым оттенком радужную оболочку его глаз.

У Соболева потемнело в глазах, вурдалак прыгал вокруг Николая Трофимовича и тот почувствовал, как это чудовище дышит на него отвратительным зловонием. Появилось муторное ощущение, провал в пустоту, и сильная боль в левой части груди, Николай Трофимович вновь закричал диким голосом ужаса. Спустя минуту, в гостиную вбежала жена и её вопль, слился с затихающим криком супруга.

Тремя минутами до этого, охранники дома засекали на экране монитора, как это существо, будто ниоткуда появилось в подземном гараже. Неизвестная тварь фыркала и скребла своими длинными когтями о бетонный пол, издавая противный слуху звук скрежета. Охранник, смотревший в этот миг на монитор, вскрикнул от неожиданности. Его напарник тут же присоединился к просмотру, не произнося ни слова от оцепенения. Существо вылезло из подземного гаража, легко сорвав с направляющей планки раздвигающуюся и запертую на автоматический замок дверь. Это свидетельствовало о недюжинной силе неземного чудовища. Вурдалак появился в секторе обзора другой видеокамеры и потерявшие дар речи охранники, наблюдали в соответствующем квадрате монитора, что будет дальше?

Существо подошло к стене дома, и резко прыгнув на неё, вцепилась пальцами в вертикальную поверхность. Оно превосходно держалось на стене некоторое время, озираясь во круг. Затем, словно паук, быстро начало взбираться вверх. Работая поочерёдно четырьмя лапами, это страшное существо с лёгкостью лезло по вертикальной стене. Его когти впились в бетон, словно в мякиш и спустя несколько секунд, появившись в обзоре следующей камеры, существо зависло на перилах лоджии на девятом этаже. Сверкнув глазами, вурдалак спрыгнул на пол и открыл внутрь дверь. Охранники, не произнося ни слова, вскочили с мест и помчались в квартиру Николая Трофимовича. Услышав его душераздирающие крики, а затем жены, поняли, случилось что-то ужасное и по ходу следования вызвали по рации базу.

– Что случилось? – послышался ответ в динамике рации.

– В квартиру генетика Соболева проникло неизвестное чудовище! – запыхавшись, на бегу отвечал охранник.

– Не понял, – прохрипела рация, – вы пьяны?

– Нет, – раздражённо кричал охранник.

– В таком случае конкретно можешь ответить, кто? – сомневалась база.

– Мы впервые видим такое существо, – ответил охранник, – я не знаю, кто! Похоже на вурдалака или другого упыря, ползает по стенам, будто паук....

– А вы где сейчас? – спросила рация.

– Поднимаемся по лестнице в квартиру! – ответил охран-

ник.

– Хорошо! – согласилась база, – опергруппа сейчас прибудет!

Охранники, держа наготове пистолеты, подбежали к двери Соболева и прислушались, ничего подозрительного – тишина.

Один из охранников позвонил в дверь – никакой реакции не последовало. Квартиры имели кодовые замки с магнитным ключом и по инструкции безопасности и секретности у охранников имелись их резервные экземпляры от каждой двери. Самостоятельное вскрытие квартиры охранниками не нарушало личной жизни учёных и применялось строго в нештатных ситуациях. Прошло не больше минуты, один из них достал из кармана связку магнитных ключей и, определив требуемый по номеру, прикоснулся им к считывающему кластеру.

Замок послушно щёлкнул, и второй охранник открыл дверь лёгким толчком. В прихожей никого не было, мебель и вещи в порядке, первый охранник смело шагнул в прихожую, держа в вытянутой руке оружие. Второй страховал его, на удивление в квартире царила тишина, и секьюрити приступили к осмотру комнат. Войдя в гостиную, они увидели Николая Трофимовича, лежащего на полу без дыхания и жену в обморочном состоянии. Она сидела в кресле с бледным лицом, руки у женщины дёргались в нервном тике, остекленевшие от страха глаза, смотрели в одну точку,

она не могла произнести ни единого звука. Дверь на лоджию была открыта, а на полу имелись мокрые четырёхпалые следы, оставленные вурдалаком. Но существа нигде не было, и один из охранников вернулся в спальню для повторного осмотра.

В это время в прихожую вошли четверо – следователь ФСБ, два оперативника и эксперт. Второй охранник, выглянув из гостиной, жестом позвал их к себе, первый вышел из спальни и присоединился к прибывшей группе. Следователь придирчиво осматривал комнату, а эксперт сразу же сосредоточил внимание на мокрых следах, оставленных на полу существом. Один из оперативников вызвал по рации доктора и пытался успокоить жену Соболева.

– Она в состоянии шока, – сделал он вывод, – ей нужен укол успокоительного....

– Странные следы! – резюмировал эксперт, – четырёхпалые.

– Мы покажем Вам видеофайл, в котором это чудовище лезло по вертикальной стене! – заверил его первый охранник, – я лично видел такое только в фильмах ужасов....

– Я не об этом, – ответил эксперт, – судя по направлению, тварь оставила следы, проникая в комнату с лоджии, это очевидно! Здесь, похоже, прыгало вокруг жертвы, что соответствует следам. Мне непонятно, как существо выходило отсюда? Обратите внимание, оно вошло, попрыгало и будто испарилось....

Эксперт подошёл к Соболеву и, пощупав пульс на сонной артерии, сделал соответствующий жест, означающий, что Николай Трофимович умер. Следовательно приступил к допросу обоих охранников, которые поминутно рассказывали о развитии нештатной ситуации. Прибыл врач, молодой ещё мужчина и тут же сделал укол Дарье Петровне, а пока она приходила в себя, он произвёл осмотр трупа хозяина квартиры.

– Генетик умер от инфаркта! – сделал заключение доктор, – все признаки на лицо, кожа бледная.... Странно, ведь на учёте у меня с таким заболеванием он не значился, поэтому остановка сердца в результате другой патологии исключена.

– Я уточню причину смерти, как обычно говорят, после вскрытия, – вставил эксперт, – очень похоже, что доктор прав. Увидев чудовище, Соболев сильно испугался и на этой почве у него инфаркт....

– Коля, милый, как же ты мог? – простонала Дарья Петровна, постепенно приходящая в себя, – я тоже не хочу жить....

Доктор принялся успокаивать женщину и, судя по действию укола, это вернуло её в норму. Вскоре Дарья Петровна давала показания следователю, как испугалась вурдалака, прибежав на крик мужа, и потеряла сознание.

– Он успел позвать какого-то Яшу на помощь, – проследилась женщина, – но ни у меня, ни у него не было ни зна-

когого, ни родственника Яши....

Видавший всякое в практике следователь, небрежно записывал показания свидетелей до конца, не веря в реальность произошедшего. Вроде всё понятно, влезло чудовище в образе вурдалака, учёный испугался, случился инфаркт и умер. Но объяснить, существование упыря из потустороннего мира, невозможно! Покинув квартиру генетика, опергруппа всем составом просматривала записи камер наблюдения. На экране монитора видно, как вурдалак, будто из фильма ужасов лез по вертикальной стене, что объяснить практически нельзя. Но ведь необходимо возбуждать уголовное дело по факту смерти специалиста секретного объекта и что писать в материалах – небылицу? К тому же предъявить, кроме снимков четырёхпалых следов, больше нечего, вурдалак исчез, не покидая квартиру.

Операция «Укус каймана дубль»

Начальник отдела специальных операций SAD ЦРУ Стивен Лав, выезжая ежедневно на работу на служебном роскошном «Крайслере», мысленно готовился к началу рабочего дня. Он, потомственный разведчик, как и подавляющая часть американцев, горд за свою страну и убеждён, что укрепляет её величие работой руководимого им отдела. Большинство граждан США считают их самым демократическим государством, а наиболее важными завоеваниями: права человека, свободу слова, вероисповедания, печати, собраний. Каждый американец испытывают чувство гордости, когда звучит государственный гимн США. Самыми любимыми символами называют американский флаг, статую Свободы, Белый Дом, Капитолий и песню «Боже, благослови Америку».

Личный водитель Стивена ежедневно ездил одной и той же дорогой. Покидая виллу шефа, расположенную в пригороде столицы Арлингтон, он выезжал на автотрассу, названную в честь первого президента Джорджа Вашингтона. По этой федеральной дороге устремлялся на юг к штабквартире ЦРУ. Проходящая сквозь зеленеющие лесные массивы, трасса радовала глаз. Зелёные густые деревья с обеих сторон трассы создавали впечатление тоннеля, а выложенный природным камнем ограничитель на разделитель-

ной полосе, подчёркивал своеобразный дизайн. Когда появлялась прогалина в лесном массиве, закрывающим обзор с двух сторон, Стивен любовался красотами долины реки Потомак, что никогда ему не надоедало. Эта водная артерия Вашингтона образуется при слиянии Южного Потомака и Северного, имеющего начало у так называемого Камня Фэрфакса в Западной Виргинии. Южный же рукав начинается у деревни Хайтаун. После их слияния полноводная река течёт на юго-восток и впадает в Чесапикский залив Атлантического океана.

Название «Потомак» происходит от имени одного из индейских племён, проживавших когда-то на южном берегу реки. Оно означает «торговое место» или «куда приносят дань». Однако сами индейцы называли реку «Cohongarooton», что значит «гусиная река». С ней связана многовековая история индейских племён Северной Америки. Теперь здесь нет прежних хозяев этих земель, они почти полностью истреблены или переселены в резервации Среднего и Дальнего Запада. Такова цена величия США, построенного на геноциде коренных народов Северной Америки.

Колонизация долины реки началась в XVI-м веке испанскими завоевателями. Затем на Потомак пришли англичане, здесь происходили ожесточённые битвы за отделение колоний от Британии, кровавые сражения гражданской войны 1861—1865 годов. Именно по реке Потомак проходила граница Северных и Южных штатов вступивших в схватку

в этой единственной войне США на её территории. Американцы гордятся, что за всю историю существования на их земли никогда не ступала нога иностранного солдата, а вражескими взрывами не разрушен ни один дом. Может поэтому они считают свою страну непобедимой и самой главной на планете Земля. Стивен гордился, что он работает в лучшей разведке мира – ЦРУ. Его дед и отец беззаветно посвятили в своё время этому секретному ведомству свой талант, знания и молодость. Стивена в эту цитадель шпионажа приняли по протекции отца, но он несколько не оправдывался перед совестью по этому поводу.

Огромный комплекс зданий штаб-квартиры ЦРУ был построен в 1961 году в пригороде Вашингтона, называемом Лэнгли. Он сооружён в лесу в десяти милях от столицы, и в этом секретном учреждении работает на величие Америки около двадцати тысяч сотрудников. Лэнгли не отмечен в туристических путеводителях, в этой местности не разрешают фотографировать и производить видеосъёмку. Если посмотреть на комплекс зданий с вертолётá, то увидишь живописную картину. Со всех сторон его окружает виргинский лес, а рядом имеется огромная автостоянка на четыре тысячи мест. Летать над зданиями комплекса тоже нельзя и максимальное приближение к объекту на вертолётé составляет несколько миль. Поэтому, кажется, что секретная цитадель окружена сказочными, разноцветными жучками-автомобилями, скопившимися здесь со всей округе на кусочек мёда.

На автотрассе Джорджа Вашингтона нет дорожных знаков, указывающих направление к штаб-квартире ЦРУ. Все, кто работает в этом ведомстве, без них знают сюда дорогу. А новичку трудно сориентироваться без указателей, к тому же обзор прилегающей территории любой автострады, проходящей в этой местности, закрывают леса с обеих сторон. Дед рассказывал Стивену, что когда сдавали в эксплуатацию весь комплекс, дорожные строители, следуя обычной практике, установили указатели со стрелкой «К ЦРУ». Министр юстиции США и брат президента Роберт Кеннеди, посетивший управление, настолько возмущился этим, что кричал на весь кабинет директора: «Снять указатели немедленно! Секретный объект называется..., тысяча чертей! Скажите спасибо, что я не требую и Вас заодно снять с должности!» Конечно, министр юстиции не мог сместить директора ЦРУ, но рассказать об этом брату-президенту ему не составило бы труда.

От автотрассы Джорджа Вашингтона автомобиль Стивена повернул на шоссе второстепенного значения. Не доезжая около мили до автостоянки ЦРУ, водитель затормозил у контрольно-пропускного пункта, в целях конспирации имеющего маскировку водонапорной башни. К «Крайслеру» подошёл мужчина в штатской одежде, вооружённый автоматом М4А1. Стивен показал ему в окно пропуск-жетон, и охранник вежливо склонив голову, разрешил проезд. Несмотря, что лицо начальника отдела специальных опера-

ций SAD ЦРУ было хорошо знакомо охране, те ежедневно требовали предъявления пропуска, строго выполняя служебную инструкцию. Если кто-либо не может предъявить жетон, оставив его в спешке дома, то охрана не пропустит машину на территорию Ленгли, независимо от того, знают ли данного сотрудника ЦРУ в лицо или нет. Ну, а посторонних людей, случайно заблудившихся в этих местах, вежливо просят немедленно покинуть территорию Ленгли.

Миновав КПП и часть лесного массива, взору открывалось главное здание комплекса, возвышающееся над остальными. Это семиэтажное строение из бетона, мрамора и стекла, выглядело вполне современно. Водитель подвёз Стивена к арке у входа в него, высадил шефа и проследовал на автостоянку. Там он, как обычно, дежурит весь рабочий день и по требованию должен подать машину к центральному входу. Сотрудников, не имеющих личного автомобиля, сюда доставляют автобусы популярной в США компании «Синяя борода». Высадив пассажиров, они уезжают, чтобы к концу рабочего дня вновь прибыть и развезти сотрудников обратно по местам их проживания. Для этого компания выделила постоянных водителей автобусов, чтобы часто не оформлять им пропуска-жетоны. В здания ЦРУ они по этим «картонкам» пройти не могут, требуется служебное удостоверение. Такого уровня секретности нет даже в Конгрессе на Капитолийском холме, доступном для туристических экскурсий.

Однако в последнее время в цитадель «незримого фрон-

та» по специальным разрешениям всё же стали пропускать малочисленных посетителей, в основном журналистов СМИ и политиков. Но показать им могут только то, что не относится к тайнам самого ЦРУ и государственным секретам. И первое, что предстаёт вниманию любознательных визитёров – статуя легенды американской разведки Натана Хэйла с петлёй на шее. Он был капитаном Континентальной армии Джорджа Вашингтона, военным шпионом, которого во времена Войны за независимость США англичане захватили в плен и повесили. Где, как не здесь в ЦРУ хранить память о национальном герое, мужественном солдате тайной войны? Он символ величия и самопожертвования американской разведки во все времена.

Стивен невольно вспомнил, когда он молодой выпускник юридического отделения Гарвардского университета, впервые пришёл сюда, чтобы по договорённости отца пройти собеседование. Глядя тогда на статую Хэйла, молодой человек поклялся себе, будет так работать на величие США, чтобы и ему поставили памятник. Молодого Стивена восхищал установленный в вестибюле главного входа барельеф ветерана ЦРУ и 3-го его директора Аллена Даллеса. Книга Почёта и мемориальная доска с множеством звёздочек напротив фамилий, погибших при исполнении долга разведчиков, вызвали гордость за Америку. Многие фамилии отсутствовали, звёздочки до сих пор оставались анонимными в целях сохранения секретности.

Стивена удивляло тогда многое, особенно композиция «Криптос», установленная во дворике ЦРУ. Она представляла собой скульптуру в виде старинного свитка с древними письменами. В большом медном листе высотой четыре метра пробито насквозь более восьмисот латинских символов. Это зашифрованный текст, разгадкой которого до сих пор заняты криптографы ЦРУ, ФБР и аналитики мирового сообщества. Расшифрованы всего лишь первые три секции из имеющихся ста и будущий сотрудник ЦРУ подумал тогда, что ему обязательно улыбнется удача. Именно он сможет понять со временем, что написано в древнем свитке? На первом этаже главного корпуса имеется портретная галерея всех директоров ЦРУ. Самым первым был контр-адмирал Роско Хиленкотер, назначенный на этот пост президентом Трумэн-ом. Заканчивал галерею портрет Джинны Хаспел, первой женщины в должности директора ЦРУ, назначенной президентом Трампом.

Чтобы служить в ЦРУ необязательно быть военным, иметь звание и армейский опыт. Однако подавляющая часть директоров ведомства были адмиралами ВМС, реже удостоивались этой чести генералы сухопутных войск. На главную должность ведомства кандидат назначается президентом с согласия Сената, поэтому такое разнообразие контингента бывших руководителей объясняется в большей степени личными симпатиями высшего должностного лица США. Назначенный таким образом директор уже в соответствии

с личными предпочтениями может расставлять своих людей, как военных, так и гражданских на руководящие посты директоров и офисов ЦРУ. А те уже назначают начальников отделов и служб, руководствуясь рекомендациями, личным опытом и профессионализмом претендентов.

У каждого директора ЦРУ был свой политический почерк, видение событий, способы влияния на эффективность работы разведывательного ведомства. Однако подразделения ЦРУ достаточно самостоятельны и не очень-то подчинены директору в оперативном плане, а координация их работы зачастую формальна. Третьему по счёту директору ЦРУ Аллену Даллесу принадлежит слава основателя цитадели разведки в Лэнгли во времена президентства Эйзенхауэра. Стивен был горд, что его кабинет тоже располагался на седьмом, где когда-то сидел легендарный Аллен, только в противоположном крыле здания. Даллес, руководил американской разведкой при Эйзенхауэре и следующем хозяине Белого дома Кеннеди. В СССР его знали как главу Управления стратегических служб в Европе в годы Второй мировой войны, вступившего в закулисный сговор с Гиммлером для заключения сепаратного мира.

По оценке многих иностранных разведок, Аллен Даллес считался асом шпионажа. Это по его инициативе разведка США создавала в СССР «пятую колонну» для свержения ненавистного американцам режима КПСС. Инструкции по этой операции актуальны до сих пор и частенько

идут в ход, когда в Белом доме недовольны политикой России на международной арене. Бюджет США всегда тратил огромные средства на подрыв влияния СССР в мире. А чтобы завербовать какого-нибудь полковника КГБ в агенты ЦРУ, требовалось немало времени и средств, приходилось планировать и проводить длительные многоходовые операции по вербовке. По рассказам деда Стивена, он был одним из лучших вербовщиков в годы «холодной» войны. Дед славился работой своей агентуры во времена Карибского кризиса, когда угроза ядерной катастрофы и третьей мировой войны была абсолютно реальна.

Сегодня задача по вербовке значительно облегчается, у многих генералов ФСБ имеются счета в зарубежных банках на подставные фамилии. Необходимо лишь выяснить, где и сколько, и тогда нужный ЦРУ контрразведчик автоматически попадает «на крючок». Делай с ним, что хочешь, угроза заблокировать счёт, а тем более конфисковать с него деньги действует на генералов безотказно. Российские олигархи и высшие чиновники сами «суют голову в петлю», размещая украденные у собственного народа деньги в оффшорных зонах и зарубежных банках. Они даже не догадываются, что это «мышеловки», из которых выход только через предательство своей Родины. Работают такие ловушки просто, по нужным счетам периодически, а иногда целевым образом возбуждают дела с формулировкой «отмывание грязных денежных средств» или «получение доходов, нажитых

незаконным путём». Легко и быстро доказывают их криминальное происхождение и конфискуют в доход банка. Новые русские нувориши почему-то убедили себя в том, что средства, выведенные за рубеж, находятся под защитой мифического закона западной демократии – частная собственность неприкосновенна!

Но когда начинается большая политическая игра или крупная операция спецслужб, всё становится прикосновенным, то есть доступным. Банки, большинство которых принадлежат американцам и их партнёрам без особых проблем дают сведения по любым счетам и бенефициарам. Работникам ЦРУ даже не требуется самим искать спрятанные средства, сообщество банкиров знает всё о каждом держателе счёта. Стивену приходилось руководить несколькими подобными операциями и по его запросу даже швейцарские банки быстро предоставили нужные сведения по движению средств на счётах высоких должностных лиц Правительства России, взятых им в разработку. Теперь лично у Стивена имелся свой «крот», как в ФСБ, так и в Правительстве Российской Федерации.

Поднявшись на седьмой этаж, Стивен проследовал в свой кабинет. Его секретарь-референт, молодая красивая девушка Элизабет была уже на рабочем месте. Поприветствовав шефа, она тут же внесла ему в кабинет кофе и, виляя задом, поставила чашку на стол. Эту блондинку пришлось принять на работу по протекции друга отца, она постоянно отвле-

кала хозяина кабинета своими не по дресс-коду короткими юбками. Часто строила шефу глазки и, уходя из кабинета, девушка грациозно виляла задом, неожиданно оборачивалась назад, ловя на себе его пристальный похотливый взгляд. Стивен неоднократно предупреждал Элизабет о соблюдении формы одежды и служебного этикета поведения. Он старался сдерживаться и гнать даже помыслы о мимолётном желании прижать к себе её молодое упругое тело. За интимные отношения с сотрудницей его могли вышвырнуть из ЦРУ, и даже связи отца и деда не помогли бы остаться на работе.

Стивен поблагодарил Элизабет за кофе и приказал собрать совещание через полчаса. Девушка улыбнулась в ответ и со словами: «Будет исполнено, сэр!», покинула кабинет. Стивен вскрыл секретную папку с агентурными донесениями, одно из них особо заинтересовало опытного разведчика, и он задумался, прочтя его текст. По выражению лица можно было заметить, что начальник отдела заинтригован и в то же время рассержен полученными сведениями. Просматривая почту, приготовленную Элизабет до его появления, он не мог сосредоточиться и смысл донесения агента с псевдонимом «Кайман», сверлили мозг Стивена. Заведённый им порядок позволял его подчинённым без разрешения входить на совещание, усаживаясь за стол в виде русской буквы «П». Это было удобно, так как начальник отдела мог видеть лица участников совещания по обе стороны от его стола, составляющего верхний элемент буквы «П».

Подвешенная к потолку большая плазменная панель монитора позволяла при необходимости демонстрировать видео, слайды и копии документов.

– Доброе утро всем! – приветствовал Стивен сотрудников, – начну совещание с полученной шифровки от нашего московского суперагента Каймана. Она пришла по дипломатическому каналу, что не могло меня не встревожить. Попрошу Вас, Шелдон, как работника, ответственного за получение сведений из Москвы, пояснить этот вопрос.

– Да, сэр, докладываю! – прокашлявшись, ответил невысокий крепыш в сером костюме, – в последнее время русские взяли под контроль весь исходящий интернет-трафик и тщательно его фильтруют. Я распорядился исключить ненужную степень риска и передал Кайману шифровку, чтобы он воспользовался дипломатическим каналом.

– С чем это связано? – спросил Стивен, – мне ничего неизвестно о фактах, которые могли бы насторожить ФСБ.

– Наши аналитики предполагают, что это не связано с перехватом их службами сообщений наших агентов, – пояснил Шелдон, – власти России давно говорят о взятии Интернета под контроль. Это связано в первую очередь с внутренними проблемами, попытками борьбы с возрастающей критикой в адрес Президента и Правительства, а порой грубых оскорблений. Явных признаков, что службы ФСБ перехватили какие-либо сообщения суперагента, не имеется, сэр!

– Странно! – продолжал высказывать сомнения Стивен, –

Кайман надёжный и проверенный агент, но почему он так поздно узнал о том, что сообщает? Оказывается, уже более года русские ведут секретные разработки сверхчеловека для серийного производства универсальных солдат. В этих целях в кратчайшие сроки построена и успешно функционирует секретная лаборатория. Более года уже работает, а Кайману только сейчас становится об этом известно! Похоже на провокацию ФСБ....

– Позвольте мне, сэр? – попросил слова худощавый сотрудник по фамилии Смит, чем-то напоминающий Оппенгеймера.

– Прошу Вас, – отозвался Стивен.

– Неделию назад наш источник информации в Правительстве России с псевдонимом «Факс», сообщил, – поведал Смит, – что их кабинетом принято решение об утверждении национальной программы по спасению Разума Вселенной и продолжению начатых ранее исследований в данном направлении. Если Вы помните, мы озадачивали информатора уточнить сведения о данной программе. И он выполнил его, вчера я получил сообщение, что первым этапом данная программа предусматривает выращивание примитивного организма, в молекулах которого вместо углерода – кремний.

Уже доказано, что такой организм может выдерживать температуры около трёхсот градусов по Цельсию и дышать не только кислородом, но и другими газами. Вторым этапом

предусмотрено использование разработанной в той же лаборатории установки, которая в миллионы раз ускоряет обмен веществ кремниевых клеток. Теперь их генетики из полученного примитивного организма, должны вырастить человека-силана. Это сообщение вызывает у меня лично больше вопросов, чем ответов. Непонятно, когда русские успели получить такой организм? Это же открытие мирового масштаба и в науке давно бы велись дискуссии по этому поводу! Но ничего такого не было, мы проверили данный факт запросом сведений у наших учёных.

Кроме этого, неизвестно, когда разрабатывался упомянутый ускоритель эволюции клеток и что он конкретно собой представляет? Создаётся впечатление, будто эти разработки велись с такой степенью секретности, что о них не знали даже в ФСБ. Но это же абсурд, ведь о подобных исследованиях, я не говорю уже об их конечных результатах, ФСБ известно заранее. Именно она берет под контроль все засекреченные лаборатории. Но даже Кайман об этом не знал, в противном случае он уже сообщил бы год назад....

– Или эта программа свалилась русским на голову в реализованном наполовину виде по мановению волшебной палочки..., – поддержал коллегу Шелдон.

– Именно это и настораживает, – перебил его Стивен Лав, – но какое отношение проект по созданию универсального солдата имеет к Вселенной? К тому же Факс не сообщает, что предусматривает эта программа. Кто такой Ра-

зум Вселенной и почему его нужно спасать? Возможно это глубокая конспирация новых секретных разработок русских, ширма для иностранных разведок, не более. Но мы должны точно знать все детали и конечную цель этой программы....

– Я продолжу с Вашего позволения, – попросил слова Смит, – мне кажется сообщения Факса и Каймана об одном и том же проекте! Просто сведения из разных источников – Правительства и ФСБ. И у каждого ведомства свои наименования одной и той же секретной разработки!

– Во-первых, коллега, я не приемлю Вашего словосочетания «мне кажется», – возразил Стивен, – разведчик должен точно знать! Если он сомневается в чём-либо, то обязан проверить факты. Во вторых, насколько мне известно, разработки по созданию универсального солдата были прекращены в СССР ещё в начале 60-х. Мы тоже занимались в то время подобными исследованиями и имели даже первые результаты. Но, как известно, прекратили их в связи с дороговизной и неудачными испытаниями.

– Технологии стремительно меняются, сэр, – вступил в разговор маленького роста толстый мужчина по имени Даррен, – возможно русские совершили в этой области прорыв! А скорее всего, реанимировали законсервированные советские разработки, как это было сделано совсем недавно в ракетной технике....

– Но об этом нам было бы известно ещё год назад, чёрт возьми, – вспыхнул Стивен, – к тому же Россия немощна, та-

кой же колосс на глиняных ногах, что и СССР, даже хуже на порядок! Да и ракетные разработки, о которых упоминал публично их президент – блеф! ...Они также появились ниоткуда, как по мановению волшебной палочки. В этой стране люди живут ещё без водопровода, канализации и отапливают свои халупы дровами. Четверть населения прозябает за чертой бедности, какой технологический прорыв можно там совершить? Их перспективные учёные давно перебрались к нам в США....

– Но эта страна, сэр, всегда преподносила нам неприятные сюрпризы, – вставил слово Шелдон.

– Вы правы, – согласился успокоившийся уже Стивен, – поэтому подвожу резюме. Что нам известно на сегодняшний день? В России утверждена программа по спасению Разума Вселенной. Вывод: поручить агенту Факсу выяснение всех её деталей до мелочей. Лучше, если бы ему удалось передать нам копию этой программы! Второе: поручить Кайману раздобыть первые результаты деятельности секретной лаборатории. Пусть вцепится в это зубами, как настоящий крокодил. Третье, каждому из вас разработать свою часть операции и предоставить мне на утверждение. Я предлагаю назвать её «Укус каймана дубль». Прошу в плане учесть усиление работы агентов Факса и Каймана за счёт использования «в тёмную» имеющихся в России агентурных ресурсов. То есть без информирования привлекаемых о целях операции, так мы сузим круг лиц, посвящённых в её детали.

– Почему дубль, сэр? – спросил Смит.

– Потому что в 1961 году ЦРУ провела в СССР успешную операцию с кодовым наименованием «Укус каймана», – отвечал Стивен, – и хотя в разведке не принято повторять названия операций, мы сделаем это! Хотя бы потому, что псевдоним нашего резидента мы уже давно продублировали. Я более подробно объясню причины повтора своему заместителю.

– Какой вариант связи оставить с Кайманом, сэр? – спросил Шелдон.

– Прежний! Дипломатический канал ему можно использовать в случаях, предусмотренных инструкциями, – распорядился Стивен, – в Интернете он может, как и прежде, передавать малозначимые сообщения на условном языке. Если русские перехватят любое из них, его невозможно предъявить, как доказательство шпионажа – шифрование отсутствует, а переписка условными фразами, может быть расценена, как пустой трёп.

– Но на условном языке невозможно передать результаты научных разработок лаборатории! – возразил Шелдон, – и Кайману придётся вернуться к передаче обширных научных сведений диппочтой. Кстати, Факс пользуется дипканалом постоянно, и ничего!

– Вы меня удивляете, Шелдон! – раздражённо ответил Стивен, – Факс сотрудник МИД России и он пользуется вполне официальным способом отправки в США корре-

спонденции. Вкладывает в последний момент в дипломатическую почту свои сообщения нам, и мы получаем их из нашего госдепартамента! Что касается передачи Кайманом большого объёма информации из научной лаборатории, то я уже сказал, по инструкции ему можно пользоваться дипканалом в таких случаях. Главное, чтобы передача разведанных от завербованного им сотрудника лаборатории происходила не через «электронную закладку». Ещё вопросы имеются?

– Нет, сэр! – отчеканил Шелдон.

– Тогда за работу, коллеги! – закончил совещание Стивен.

Сотрудники отдела дружно поднялись и удалились из кабинета, а Стивен повторно вернулся к тексту сообщения Каймана. Это был суперагент, не один год, работающий на ЦРУ, и рассекретить такого ценного разведчика было бы верхом беспечности и профнепригодности сотрудников его отдела. Стивен специально напомнил о запрете передачи добытых сведений через «электронную закладку». Как правило, советская, а позже российская контрразведка, арестовывала агентов ЦРУ в момент изъятия разведанных из тайника.

Сначала выслеживали завербованного агентом исполнителя, производили видеосъёмку процесса закладки им в условленное место секретных материалов. Затем устанавливали видеонаблюдение за тайником, и когда агент приезжал, чтобы забрать оттуда сведения, его арестовывали. Най-

денные у него секретные материалы служили доказательством шпионажа. Частенько агентами бывали сотрудники посольства США. И тогда начинался международный скандал и дипломата, уличённого в этом, с позором выдворяли из России.

После развития Интернета, ЦРУ активно использовало его для передачи добытых секретов без всяких закладок. Полученные от исполнителя сведения шифровались, и отправлялись на определённый адрес электронной почты. Но это продолжалось недолго. Стивен помнил скандал, когда русские предъявили в качестве доказательств расшифрованные их криптографами секретные материалы, отправленные за рубеж через Интернет. По IP-адресам контрразведчики определили, откуда происходила передача, им оказалось британское посольство.

Каким бы ни был удобным способ передачи информации по Интернету, он имел один существенный недостаток, всемирная сеть работает так, что на серверах провайдеров некоторое время остаётся вся пропущенная через них информация. После того, как ФСБ установила у всех крупных российских провайдеров специальную аппаратуру СОРМ, исходящий трафик подвергался тотальному контролю. ФСБ необходимо было лишь время на расшифровку криптографами подозрительного контента. Поэтому пришлось вернуться к старому дедовскому способу передачи разведданных через закладки.

Но как обезопасить агента в момент изъятия секретной информации из неё? Специально для ЦРУ разработали миниатюрное устройство – «электронную закладку». Аппаратуру помещали в обычный камень и заливали герметиком, чтобы исключить проникновение внутрь влаги. В условленном месте, как правило, в многолюдном парке или сквере его подбрасывали на заросший травой газон или поляну. Работа с тайником была простой – в определённое время у «камня» появлялся завербованный ЦРУ исполнитель с планшетом или ноутбуком и «сбрасывал» на него раздобытую им информацию. Через несколько дней мимо тайника проходил агент ЦРУ, и считывал с помощью планшета хранящуюся в «камне» информацию.

Передача проходила за очень короткий период времени – около трёх секунд с расстояния двадцати метров. Засечь этот процесс практически невозможно. Даже если выследить агента и арестовать его во время или после «скачивания», то он успевал нажать простую комбинацию клавиш, чем удалял всю информацию не только из своего планшета, но и из «камня». Доказать шпионаж в таком случае невозможно, но операцию приходилось начинать заново, и уже другими агентами. ФСБ многократно усиливало охрану секрета, и подступиться к нему длительное время оказывалось невозможным. Так были нейтрализованы и зависли многие разведывательные операции, и неизвестно ещё, когда появится шанс их возобновить.

А спустя некоторое время после использования ЦРУ «электронных закладок» спецы ФСБ придумали, как восстановить удалённые разведчиком файлы при его аресте. Это делалось быстро, не отходя от тайника, и файлы являлись доказательной базой в предъявлении обвинения в шпионаже, от чего невозможно было «отвертеться». Это в крайней степени осложнило работу отдела и вернуло ситуацию к дедовским временам изъятия из тайников информации. Разница была лишь в том, что они теперь электронные, но и здесь ФСБ вскоре опередило ЦРУ. Дело в том, что полученные с тайника сведения передавались в электронном виде, а поскольку их нельзя было отправлять через Интернет, их вывозили на флешках дипломаты, почта и багаж которых не досматривался.

Завербованный исполнитель, скачивая секретную информацию с компьютеров, где она хранилась, даже не подозревал, что программа закладывала в файлы специальные метки. Дипломат, проходящий в посадочный терминал аэропорта, негласно сканировался внедрённым ФСБ устройством, которое обнаружив метки секретных файлов, уничтожало их без возможности восстановления. Это выяснялось только по прибытию в Вашингтон, файлы бесследно исчезали с флешки. Попробовали писать разведданные на диски, с которых невозможно было удалить информацию, но метки, записанные на диск вместе с секретной информацией, «заставляли звенеть арку металлоискателя и таможенники обнару-

живали диски в результате дополнительного досмотра. Пришлось вернуться к бумажному носителю, что само по себе добавляло проблем агенту – нужно было распечатать секретные файлы и отправить по дипканалу ни одну пачку бумаг. Можно было бы применять, как в 60-е годы микроплёнку, но подобной аппаратуры уже не существовало, а использовать фотографии в электронном виде, не имело смысла. Они также могли исчезать с флэшки, как и файлы.

Стивен не случайно предложил название операции «Укус каймана дубль». Он не объяснил это на совещании, но спустя некоторое время, после его окончания, пригласил к себе своего заместителя и в течение часа что-то ему рассказывал. Задание на добычу сведений о разработке российскими генетиками человека-силана было официально дано третьему секретарю политотдела посольства США в России Брендону Муру, работающему на ЦРУ. Его любимый преподаватель по университету Хантер Эванс хорошо был знаком Стивену, как участник операции, блестяще проведённой в 60-х годах. Хантер был уже стар, но продолжал активную жизнь, работая преподавателем в университете. Стивен решил привлечь этого «динозавра» в качестве консультанта, которому были известны все мелкие детали операции 60-х.

Из оперативной информации своего «крота» в ФСБ, Стивен Лав знал, что его соперником в контрразведке России является потомственный чекист, генерал-майор Илья Петрович Воронов. И хотя тот не был знаком с визави даже за-

очно, интуитивно чувствовал логику реализации замыслов американца в их противостоянии. Несколько операций, проводимых Стивеном Лавом, Воронов успешно нейтрализовал и выигрыш по общим очкам, как говорят в подобных случаях, был за российским контрразведчиком. В каждой многоходовке противники, разделённые Атлантическим океаном, будто заочно играли шахматную партию. Стивену было известно также, что отца Ильи Петровича в начале 60-х годов, молодого ещё сотрудника КГБ чуть было, не уволили, он в ходе операции «проморгал» некоего полковника ГРУ, работавшего на ЦРУ. Знал об этом от отца и Воронов, тогда операция носила такое же название, и поэтому генерал, как сын должен символически исправить ошибку родителя в «Укусе каймана».

Воронов возглавлял департамент контрразведывательных операций ФСБ на протяжении последних двенадцати лет. Его отец вышел на пенсию по выслуге ещё в середине 80-х годов, он в то время уже догадывался, чем закончится для КГБ горбачёвская перестройка. Поэтому решил заранее уйти на пенсию, чтобы не участвовать в политических интригах генсека. Чуть больше десяти лет, отец Воронова работал преподавателем в Московской высшей школе КГБ, которая сегодня называется Академией ФСБ РФ. После начала ельцинских реформ в КГБ и ГРУ, вообще занялся растениеводством на собственной даче, расположенной недалеко от Ленинградского шоссе в десяти километрах от МКАДа. Сам

Илья Петрович тоже мог давно выйти на пенсию, но генерал не представлял своей жизни без любимой работы. Он был уважаем начальством за профессионализм и трепетное отношение к делу, найти замену опытному руководителю всегда не просто. Воронов был одним из тех немногих офицеров, которые в тяжёлые для КГБ 90-е годы, остался на службе.

Тогда для силовых структур наступили черные дни. Ельцин в первую очередь взялся за развал Советской Армии, а затем КГБ, ГРУ, МВД, ФАПСИ и СВР. Многие офицеры и генералы были уволены, некоторые ушли по собственному желанию в отставку, часть в коммерческие банки, куда требовались опытные руководители служб безопасности. Выжили только стойкие, проверенные годами безупречной работы и преданные Родине офицеры, несмотря, что явно преследовалась цель увольнения всех прежних сотрудников КГБ. А уж названия реформированным структурам меняли, словно перчатки. В те времена, ни о какой эффективной работе контрразведки говорить не приходилось. Ежедневно пьяный Ельцин панически боялся спецслужб и делал всё, чтобы их развалить.

Его реформы КГБ и ГРУ, затянувшиеся на годы, сопровождалась организационной неразберихой, и... «приватизацией» спецслужб. Первую такую создал Гусинский, именуя её Службой безопасности группы «Мост». Именно ему принадлежала идея привлечения «на службу олигархам» оставшихся не у дел сотрудников КГБ. Гусинскому удалось «на-

нять» даже бывшего зампреда КГБ Бобкова. С этой службой «Моста» также связывают рождение рынка компромата и дезинформации. Недалеко от олигархов ушли и многие высокопоставленные государственные чиновники, начиная с Ельцина. Он поручил Коржакову создать свою Службу безопасности президента СБП, мини КГБ, укомплектованную только верными людьми. Эта служба была создана в очень сжатые сроки, какой хотел ее видеть Ельцин. Со временем почти все спецслужбы были «приватизированы» и служили инструментом политической борьбы между отдельными олигархами.

После ухода Ельцина ФСБ начала своё возрождение, как феникс из пепла. Тем временем ЦРУ без помех проводила все операции в России, совсем открыто дипломаты посольства США занимались разведывательной работой, а многие бывшие генералы охотно продавали им секреты советского КГБ и государственные тайны. Но самый большой ущерб предатели наносили, «сдавая с потрохами» иностранную агентуру, на формирование которой уходили десятилетия. И все это пришлось заново возродить и реанимировать. Назначенный директором ФСБ по протезе Чубайса и Березовского Путин не нравился генералу. Не тот масштаб мышления, да и звание и прежняя должность не годилась для руководства такой спецслужбой, как ФСБ. Однако вскоре чувство неприязни к «мелко плавающему» директору исчезло из-за его стремления возродить былую славу контрраз-

ведки. Почувствовав заинтересованность Путина в укреплении спецслужб, Воронов с энтузиазмом работал почти круглосуточно, лишь изредка появляясь дома, чтобы успокоить жену.

Это вошло в привычку генерала, и он до сих пор засиживался в своём кабинете на Лубянке до полуночи. Так было и в тот поздний вечер, когда ему на стол легло донесение Службы Внешней Разведки от глубоко законспирированного в ЦРУ «крота». Тот докладывал Центру, что тремя днями ранее начальник отдела SAD ЦРУ Стивен Лав приступил к реализации разведывательной операции «Укус каймана дубль». Агентуре поставлена задача, в кратчайшие сроки добыть копии результатов научных разработок секретной лаборатории «С» и национальной программы по спасению Разума Вселенной. Подробностей и деталей «крот» не сообщал, но название операции, хорошо знакомое генералу от отца, заставило его вздрогнуть. Что это? Ностальгия по прошлым победам? Вряд ли! Илья Петрович не верил в сентиментальность начальника отдела SAD. Но ведь в разведке любой страны никогда не дублировались кодовые наименования операций.

– Но почему они повторяются? – подумал Воронов, – небрежная ошибка или попытка ввести в заблуждение? ...Хотя мой американский визави относительно молод и вряд ли помнит об операции 60-х годов. Тогда почему «дубль»? Может он решил поиграть со мной в открытую,

чтобы позабавиться своим превосходством? Фору даёт? Тогда у него должны быть на это очень сильные козыри! Или нет? ...Нужно подумать! Мне, как и коллегам, показался странным сам факт появления этой лаборатории. Вопрос об обеспечении безопасности её работы неожиданно возник на совещании у директора ФСБ, состоявшемся неделей раньше. До этого никто даже не слышал о каком-либо начале строительства секретного объекта «С», причём непонятно, почему в заповеднике Завидово? Тем более охрану осуществляет ФСО, чего по определению быть не должно. Эта служба занимается безопасностью президента, членов правительства, имеющих отношение к государственной тайне.

Неужели в этой лаборатории имеется учёный, которого необходимо охранять, как президента? Возможно! Но кто тогда больше года занимался его охраной, равно как и всей лабораторией? То же можно сказать о национальной программе по спасению Разума Вселенной! Зачем нужно беспокоиться о безопасности витиевато названного Разума Вселенной? Кто он? Почему Правительство утверждало её с наполовину выполненной задачей? Где программа фигурировала до этого и кем выполнялась? ...Хотя, в конце концов, это не моё дело. Если директор ФСБ даже не пытался, что-либо объяснить, значит, вопрос относится к суперсекретной категории.

Воронов подошёл к окну и, отодвинув штору, посмотрел на Лубянскую площадь. Москва уже спала, но автомобиль-

ное движение ещё не прекращалось. Кто-то спешил к домашнему очагу, задержавшись вот так, как и он, на работе, другие, наоборот ехали заступать в ночную смену. Хотя за все времена реформ, промышленных предприятий в Москве не осталось, их заменили торговые базы, супермаркеты, ночные клубы, другие увеселительные заведения. Но жители столицы не бедствовали, имея свою квартиру и зарплату, в разы превышающую аналогичную в регионах, в Москве можно жить припеваючи. Воронов часто задумывался о проблеме расслоения по уровню жизни москвичей и таких же граждан в других областях и считал его недопустимым и опасным для целостности страны России. Задёрнув шторы, генерал вернулся в своё кресло.

Несмотря на глубокую ночь, Воронов поручил с утра поднять из архива дело по операции «Укус каймана», подготовить доклад и собрать экстренное совещание. Его заместитель Колычев никогда не покидал здания на Лубянке, пока его шеф работал, такой порядок был установлен Вороновым сразу после назначения на должность и действовал регулярно. Завершив подготовку к следующему дню, генерал отбыл домой, а утром вновь ехал на работу в служебном автомобиле чёрного цвета «Тойота Камри», не выспавшись. Он всю ночь пытался ответить на вопрос – зачем ЦРУ повторяет название операции, проведённой в далёкие 60-е годы и псевдоним своего агента? Привычка рано ездить на службу не позволила генералу выспаться. Глядя в тонированное окно се-

дана, он невольно зевал, прикрывая рот, чтобы не замечал водитель.

Пробок ещё не было, поэтому ехали без маячка, который по строгому указанию генерала, водитель не включал без надобности. Москва просыпается на несколько часов позже восхода солнца, не спеша, будто боится своим бурным пробуждением, испугать обывателей. Городской шум ещё не тот, когда из-за него плохо слышно даже в салоне «Тойоты», он ещё набирает силу на проспектах, улицах и в спальных районах мегаполиса. Но в самом сердце столицы уже ослепительно сверкают золотые купола храмов Кремля, эффектно отражающихся в утренних водах Москвы-реки. Это удивительно гармонирует с набережной, все больше заполняемой автомобилями.

Расположенные недалеко от цитадели российской власти – Кремля, зеркальные башни делового центра «Москвасити» тоже встречают, подставляя первым солнечным лучам свои зеркальные грани-стены. Издалека незаметно, как здание ФСБ встречает своими окнами утро, вид на него открывается лишь перед площадью, называвшейся когда-то именем легендарного чекиста Дзержинского. Воронов был свидетелем, как в августе далёкого 1991 года «свергали «железного Феликса». Он с раздражением и грустью смотрел в окно, как многотысячная толпа несколько часов с рёвом скандировала в адрес КГБ и КПСС оскорбительные лозунги. Памятник был облеплен фигурами митингующих. Кто-то, взо-

бравшись на пьедестал, умудрился накинуть на него трос и появившийся тут же подъёмный кран, сорвал статую вместе с пьедесталом.

Совещание у Воронова началось ближе к обеденному времени. Колычев не успевал подготовить доклад, тщательно изучая дело по операции «Укус каймана». Воронов не подгонял его, понимая, что на ознакомление с десятками томов даже в электронном виде, понадобится минимум пять-шесть часов. Открывая совещание, Илья Петрович проинформировал о получении сведений из ЦРУ о начавшейся операции по секретной лаборатории «С».

– Товарищ генерал, могу доложить следующее, – начал заместитель, когда Воронов предоставил ему слово, – операция была проведена в 1961-м году. Под псевдонимом «Кайман» тогда работал американский дипломат Джон Мур....

– Что-то слишком знакомая фамилия! – прервал докладчика Воронов, – это не родственник нынешнему секретарю посольства США?

– Верно, товарищ генерал, – согласился Колычев, – его внук Брендон Мур служит сейчас третьим секретарём политотдела посольства США в Москве. Но и это ещё не всё, Вы сейчас удивитесь больше. Руководил тогда операцией начальник отдела ЦРУ, дед нашего визави Стивена Лава – Макс.

– Интересно! Учитывая тот факт, что и мой отец участвовал тогда в той операции, – искренне удивился Воронов, –

можно сказать уникальный случай! Прямо-таки потомственное дело – у них по проведению операции, у нас по её нейтрализации. Продолжайте!

– Американцы успешно провернули ту операцию в 1961 году, – информировал Колычев, – в результате в ЦРУ ушло более пяти тысяч секретных документов, касавшихся ракетного вооружения СССР и военной стратегии. А самое главное, персональные сведения более чем шестисот разведчиков ГРУ и КГБ. Американцы тогда завладели информацией о позиционных районах расположения наших межконтинентальных баллистических ракет, данные о научных разработках советского военно-промышленного комплекса....

– Вы начали с конца, – остановил его Воронов, – давайте поступим так, дело очень большое информационно, поэтому мы должны сейчас сосредоточиться на отдельных его моментах, чтобы понять аналогию операции 60-х с нынешней, которой ЦРУ дало приставку «дубль». Я буду задавать вопросы, а Вы отвечать на них. Итак, скажите нам, из каких источников стало известно КГБ об операции «Укус каймана» в 61-м году?

– Тогда КГБ предупредил агент британской Ми-6 Джордж Блейк, работающий на СССР, – ответил Колычев, бегло пролистав свои записи, – англичанин сообщил, что сотрудники американского посольства супруги Джон и Сара Мур занимаются в Москве шпионажем.

– В этом нет аналогии нашему случаю, – отметил Воро-

нов, – нам сообщил об операции дубля наш сотрудник. Следующий вопрос: каков временной промежуток, между датой начала операции «Укус каймана» и сообщением Джорджа Блейка?

– Почти полгода, товарищ генерал, – отчеканил Колычев.

– В этом тоже нет аналогии, – резюмировал Воронов, – нам стало известно заранее, когда операция только началась! А от даты получения предупреждения от Джоржа Блейка до начала слежки за дипломатами прошло полгода! Следующий вопрос: кто был завербованным исполнителем и способ передачи им секретных документов?

– Полковник ГРУ Пеньков, – ответил Колычев, – он передавал микроплёнки с фотографиями документов и личных дел разведчиков ГРУ и КГБ, работающих на Западе. Часто по служебным делам выезжал в командировки за границу, в основном в Лондон и Брюссель, и встречался там с Максом Лавом лично. Это происходило, к сожалению, вне поля зрения КГБ, подобные встречи можно объяснить передачей особо ценных сведений, либо для урегулирования вопросов оплаты услуг Пенькова. В Москве этот предатель Родины проживал в доме на Космодамианской набережной, где часть пересылаемых материалов Пеньков копировал, принося их, домой из спецбиблиотек ГРУ и Главного Ракетно-Артиллерийского Управления Генштаба Вооружённых Сил СССР. После того, как за ним установили наблюдение, его уже не выпускали в заграничные командировки. По-

этому для встречи с ним в Москву приезжал связник под видом американского бизнесмена, некто Хантер Эванс. Когда Пеньков почувствовал слежку, он успел передать ему, что его засекли.

– Здесь тоже нет аналогии по понятным причинам, – ответил Воронов, – микроплёнки и мини фотоаппаратура – атрибуты прошлого! Третий вопрос: места передачи добытых секретных сведений?

– Таковых в деле отмечено много, – информировал Колычев, – общим фактором для всех являются: людные места, чаще, такие как Цветной бульвар, Малый Сухаревский переулок, Нескучный сад, Новый Арбат и Парк имени Горького. Реже – через тайники, часть из которых находилась в подъездах жилых домов в районе Останкино, Цветного бульвара, Пушкинской улицы, Старого Арбата и даже один тайник был замаскирован в надгробии поэта Есенина на Ваганьковском кладбище. Я выписал себе все места, где происходила передача микроплёнок с секретными документами.

– Здесь об аналогии говорить пока рано, – заметил Воронов, – но в ходе проведения оперативных мероприятий, нужно иметь в виду все места, чтобы в первую очередь обратить на них повышенное внимание при организации патрулирования. Следующий вопрос: кто из супругов принимал передачи от Пенькова?

– Разведданные из закладок забирал Джон Мур, – отвечал Колычев, – дед нынешнего Брендона. Он был очень осторо-

жен, и часто случалось, когда заметив что-либо подозрительное, днями мог посещать места закладок, но не прикасался к тайникам и изымал их только тогда, если окончательно убеждался в своей безопасности.

Часто бывало сведения от Пенькова, получала жена Сара, прогуливаясь с младенцем в детской коляске. У них тогда уже родился сын Эдвард, отец Брендона, впоследствии продолживший династию в ЦРУ. Прогуливаясь, например, по Цветному бульвару с коляской, Сара ждала Пенькова, а тот, проходя мимо, незаметно для окружающих опускал ребёнку небольшую коробку конфет с двумя десятками рулончиков микроплёнки. Сам он оставался длительное время незамеченным и когда установили за ним слежку, фотографировали каждый его контакт....

– За что мой отец получил взыскание? – неожиданно спросил Воронов, – он работал тогда оперативником в чине лейтенанта и принимал участие в разработке полковника Пенькова.

– Пеньков был очень хитрый, – отвечал Колычев, как бы оправдывая отца генерала Воронова, – и не мудрено, профессиональный разведчик ГРУ, чего тут сказать? Ваш родитель, товарищ генерал, осуществлял фиксацию контактов Пенькова и многие из них не сфотографировал. В деле есть приказ о взыскании с предупреждением, об увольнении в случае повторного «прокола». О том, что оперативниками не отсняты многие контакты полковника Пенькова, выясни-

лось после его допроса, он честно перечислил не только все документы, которые ему удалось отправить в ЦРУ, но и даты, когда это было сделано, а также места встречи. Проанализировав результаты допроса, выяснили, что в эти дни оперативную съёмку вёл Ваш отец, товарищ генерал.

– А что мой родитель написал в объяснении? – с чувством стыда спросил Воронов.

– Он долго не мог засесть мимолётный контакт, когда Пеньков подбрасывал коробку конфет ребёнку Сары, – отвечал Колычев, не глядя на генерала, – не верил, что так безнравственно можно использовать своего ребёнка, как маскировку!

– Ну и последний вопрос: канал передачи микроплёнок в США? – спросил Воронов.

– Дипломатической почтой, – ответил Колычев, – Джон Мур, он же «Кайман» являясь в то время резидентом ЦРУ в СССР и первым секретарём посольства, лично отправлял диппочту и каждый раз «заряжал её» полученными от Пенькова микроплёнками.

– Хотелось бы услышать ответ на следующий вопрос всех, кто здесь присутствует, – предложил Воронов, – что является причиной столь неординарного повтора кодового наименования операции? Они даже присвоили ей литер «дубль», будто хотят этим что-то подсказать нам. Абсурд, но зачем? Судя по материалам дела, аналогии на первый взгляд по ключевым моментам не существует, что тогда?

– Похоже на фарс мистера Стивена, – высказался первым Колычев, – я не вижу другой причины. Как назвать операцию, если её поручают агенту ЦРУ с псевдонимом «Кайман»? В такой ситуации трудно удержаться от фарса....

– А Вы откуда знаете, под каким псевдонимом работает сейчас Брендон Мур? – спросил Илья Петрович, – он у нас никогда не проходил по какому-либо делу!

– Но ведь Стивен Лав ему поручил проведение дубля, – уверял Колычев, – маловероятно, что его псевдоним иной.

– Логично, – отозвался Воронов, – кто ещё предложит свою версию ответа?

– Я соглашусь с прозвучавшим мнением, – высказался полковник Морозов, – если мы сможем объяснить, почему продублирован сам псевдоним «Кайман»? Понятно, что это было сделано не в момент получения задания, а после начала его работы на ЦРУ, а он служит секретарём посольства четвёртый год.

– Тут всё очень просто, – возразил полковник Тягин, – его дед имел такой же псевдоним в 60-х годах. Вероятно, Брендон сам попросил в честь своего деда присвоить ему оперативную кличку «Кайман»!

– Но псевдонимы не выбирают, – протестовал полковник Морозов, – их утверждают, исходя из условий конспирации и безопасности агента. Иначе, если нам становится известно, что дед провернул в 60-х успешную операцию под псевдонимом «Кайман», мы сразу выходим на его внука.... За-

чем американцам рисковать? Ради фарса?

– Бывают случаи, когда разведчик сам выбирает себе псевдоним, – согласился с Тягиным Воронов, – иногда им идут навстречу в особых случаях....

– Да, но если это не вредит конспирации, – продолжал протестовать Морозов.

– Кто ещё желает высказать мнение? – спросил генерал, – если в кодовом наименовании скрыт определённый смысл, то разгадав его, мы на полпути к успеху.

– В последнее время американские шпионы ведут себя довольно нагло, – заметил полковник аналитического управления Потапов, – никак не отвыкнут от 90-х! Вы помните, совсем недавно один из них «Дирижабль» использовал свой псевдоним, как ник, при переписке с резидентурой в социальных сетях. Их условный язык, на котором они ведут переговоры в сети по малозначимым вопросам, порой смешит даже русских школьников. Резидентура в ответ прокололась, общаясь с Дирижаблем, как «Мастерская по ремонту часов». Некоторые малые предприятия в целях рекламы употребляют подобные ники с соцсетях, используя официальное название, но это не тот случай! Хотя бы подумали, что сегодня в России давно нет такого сервиса, новые часы купить дешевле и быстрее?

Или взять хотя бы их наглые попытки вербовки наших офицеров и разведчиков ГРУ. Ведь янки идут в открытую с предложениями, обещая горы золотые. И абсолютно не за-

ботятся о конспирации. Арест в прошлом месяце Пола Уилсона, яркий тому пример. Поэтому я допускаю фарс с кодовым названием операции «Укус Каймана дубль»!

– Чего стоит один Сноуден? – поддержал Потапова майор информационного управления Шишкин, – как можно было «проморгать» его бегство в Москву? Я поддерживаю точку зрения о фарсе или, по крайней мере, сентиментальности внука, которому ЦРУ утвердило псевдоним деда.

– Хорошо, – согласился генерал, – в таком случае, поручаю полковнику Тягину взять в разработку Брендона Мура. Если ошибёмся, то скоро поймём это по его контактам, поведению и переписке в Интернете. Ваш отдел должен уже сегодня создать оперативно-следственную бригаду и приступить к разработке дипломата!

– Слушаюсь, товарищ генерал! – отчеканил Тягин.

Генерал Воронов закончил совещание и когда все вышли из кабинета, нажал кнопку служебной связи. Он записался в срочном порядке на приём к директору ФСБ. Таковой существовал для экстренных докладов и в ближайшие часы, в зависимости от занятости руководителя этой мощной структуры, соискатель мог быть принят её высшим руководителем. Спустя полчаса, адъютант-поручитель директора пригласил Воронова в приёмную. Генерал армии, приветливо улыбаясь, встретил его, когда тот доложил о прибытии, войдя в просторный кабинет. Директор предложил кофе и усадил докладчика за отдельно стоящий столик, пред-

назначенный для «разговора на равных».

– Товарищ генерал армии, – начал с пафосом Воронов, – у нас в конторе работает «крот» ЦРУ. Прошу Вас безотлагательно поручить отделу собственной безопасности начать необходимое расследование. Рапорт я подготовил, он у Вашего адъютанта-порученца.

– Объясни, чем вызвано твоё подозрение? – поинтересовался директор.

Воронов вкратце проинформировал руководителя о начатой американцами операции «Укус каймана дубль» и результатах проведённого им часом ранее экстренного совещания. Илья Петрович отлично знал «кухню конторы», где прослужил всю жизнь и понимал, что с поступившим накануне ему сообщением, давно ознакомился директор. Отдел безопасности подчинялся напрямую генералу армии и никто, кроме него не мог дать распоряжение о проведении внутреннего расследования.

– Анализируя время, – приступил к изложению своих аргументов Воронов, – в течение которого в ЦРУ стало известно о деятельности секретной лаборатории «С», я пришёл к выводу, что начальник отдела ЦРУ Стивен Лав мог получить эту информацию только от «крота» из нашей конторы. Посудите сами, Вы проводите закрытое совещание по вопросу охраны секретного объекта и уже спустя неделю Мур, начинает разведывательную операцию. Если учесть время, необходимое на её разработку, то можно сделать вывод, что

в ЦРУ стало известно об исследованиях и утверждении Правительством национальной программы по спасению Разума Вселенной, спустя день после проведённого Вами совещания.

– Убедительно! – тихо произнёс директор, – Вы допускаете, что информация от предполагаемого «крота» ушла за океан не по Интернету?

– Мы жёстко контролируем трафик посольства США и полностью владеем условным языком, с помощью которого американские агенты общаются в сети, – ответил Воронов, – я уверен, сообщение ушло по дипломатическому каналу. А это значит, «крот» имеет выход на секретаря посольства Брендона Мура. Эта связь родилась не сейчас, она существует давно, а если это так, то предатель в нашей контроле завербован гораздо раньше, вероятно даже, что временно был «законсервирован».

– Вы убедили меня, генерал! – подытожил директор, – я сейчас же дам необходимое распоряжение руководителю отдела собственной безопасности о начале расследования. Но прежде я хочу задать Вам вопрос: Вы лично согласны с мнением большинства Вашего экстренного совещания по кодовому наименованию операции «Укус каймана дубль»?

– Затрудняюсь пока ответить, товарищ генерал армии, – уклонился Воронов, – интуиция подсказывает мне, что в этом кроется какая-то хитрость Стивена Лава. Я только

пока не могу понять её, и мне кажется, что в материалах архивного дела не отражены второстепенные моменты. Нужно дополнительно изучить все подробности той операции!

– Вы часто навещаете своего отца? – неожиданно спросил директор, – мамы Вашей давно уже нет, извините, что напоминаю... Мне рассказывают, Ваш старик ещё крепок, словно гвоздь, дай Бог ему долгих лет!

– По возможности хотя бы раз в месяц проведываю его, – ответил Воронов, – я нанял домохозяйку, которая обслуживает отца. Он никак не хочет жить в городской квартире и остаётся на зиму копать на своей даче. Женщина проживает вместе с ним, готовит ему, стирает, прибирается в доме, он хоть и небольшой, но с мансардой. Помните, типовые строили для госдач в советское время?

– Отлично помню! – весело согласился директор, – у моих родителей была такая дача. Но я не об этом! Кому, как не Вашему отцу известны подробности той давней операции «Укус каймана», которые не отражены в материалах архивного дела? Поезжайте к родителю, и пусть он вспомнит всё, что ему было известно. Память стариков, устроена таким образом, они быстро забывают происходящие события нынешнего времени, но до мелких деталей помнят всё, что было в их молодости...

Воронов поблагодарил директора за подсказку и уже спустя час его служебная «Тойота» мчалась по Ленинградскому шоссе в сторону области. Илья Петрович и сам думал поин-

тересоваться у родителя подробностями операции, но помня, как отец болезненно реагировал на вопросы, отказался от такой затеи. И это было понятно, но сегодня его информация могла помочь в раскрытии шпионских замыслов ЦРУ и нейтрализовать «Укус каймана дубль». Илья Петрович хотел также поинтересоваться у родителя его мнением по поводу этого самого «дубля» и причинах возможного фарса Стивена Лава. Отец мог знать о фамильной черте характера, присущей деду дипломата Максуду и, если это так, то можно было спокойно соглашаться с мнением полковников Тягина, Потапова и Шишкина.

На выезде из Москвы, минуя сложную развязку с МКАД, Воронов, который сам отлично водил автомобиль, удивлялся, как его шофёр Дмитрий запоминает схему проезда? Илье Петровичу для этого нужно бы было остановиться перед развязкой и запомнить по карте, где нужно вовремя повернуть, на какую полосу необходимо предварительно перестроиться? По Москве много таких сложных развязок, а Дмитрий помнил схемы их проезда в любом направлении на память. Если бы это было иначе, то сориентироваться на скорости, пусть и небольшой, с такой интенсивностью движения очень не просто. «Контора» не любит непрофессионалов, даже если это касается должности водителя автомобиля.

В последние годы для улучшения пропускной способности Ленинградки построено две транспортные развязки в разных уровнях и два путепровода через Октябрьскую же-

лезную дорогу. Первый рассчитан на шесть полос и возведён для движения от МКАДа. Второй построили на месте существующего до реконструкции. Но уже в четыре-шесть полос для движения в сторону Москвы. Кроме того, Ленинградское шоссе от МКАДа до съезда на «Шереметьево» значительно расширили, построив выделенные полосы. Их общая протяжённость превышает десять километров, а переходно-скоростные и шестнадцать заездных карманов на остановках общественного транспорта, вполне соответствуют мировому уровню.

Отец встретил сына с радостью, но и насторожённостью, тот приехал раньше обычной даты. Дина Авдеевна, так звали домработницу, очень обрадовалась, что ей будет выдана зарплата неделей раньше. Она тут же засуетилась, накрывая на стол, приглашая генерала отведать её кулинарию. Илья Петрович привёз с собой бутылку импортного коньяка «Блейк лейбл», который стоил очень дорого, но за такое качество денег не жалко.

– Что-то случилось сын? – спросил отец, когда они выпили по первой рюмке.

– С чего ты взял? – удивился Воронов.

– Ты бы не приехал раньше обычного дня своего посещения, – выдал догадку отец, – знаю твою пунктуальность! Так что выкладывай....

– Тебе неприятно будет, но я попытаюсь, – улыбнулся Воронов, – ты сегодня имеешь возможность тряхнуть ста-

риной! Я не могу тебе всего рассказывать, сам понимаешь, но твоя информация о деталях операции 60-х годов, прова-
ленной КГБ, может очень помочь мне.

– Тебя, конечно, интересует «Укус каймана»? – начал серд-
дится старик, – неужели это актуально для твоей работы?

– Ты даже не представляешь как! – спокойно произнёс Во-
ронов, – меня интересуют подробности, не вошедшие в ма-
териалы дела....

Подробности-надгробности..., – пробурчал старик, –
сколько ведь лет прошло! Кто теперь помнит их? Хотя, если
учесть твою подсказку о деталях, не вошедших в материа-
лы дела, то, пожалуй, имеется кое-что.... Будешь записывать
или как?

– Запомню, отец! – убедил старика Воронов, – я ведь про-
фи-контрразведчик!

– Ну, конечно, кто бы сомневался в этом? – пробурчал ста-
рик, – тот профессионал, что мимо пробежал.... Тогда слу-
шай, сын. Как действовали оперативники в далёких 60-х?
Фотографировали контакт шпиона, а затем на допросе доби-
вались от него правдивых показаний: с кем встречался, за-
чем и так далее. Сейчас у вас проще – видеокамера, а к ней
микрофон с направленной параболической тарелкой. Пиши,
не хочу и изображение и озвучка, как говорят, два в одном.
Так вот..., когда Пенькова не стали выпускать за границу
в командировки, где он контактировал с руководителем опе-
рации Максом Лавом, к нему на встречу прислали связника

под видом американского бизнесмена, это был некто Хантер Эванс. Если в загранике встречи проходили не в поле нашего наблюдения, по понятным причинам, то в Москве они скрупулёзно отслеживались.

На допросах Пеньков долго умалчивал о содержании разговоров с Хантером. Мы поднажали, и он сознался, якобы он через Эванса предупредил Макса Лава, что заметил слежку за собой. Хантер понял, видит Пенькова последний раз. Поэтому, попросил полковника передать десять тысяч советских рублей из суммы, которую он привёз ему в качестве оплаты услуг, некой москвичке Вере. То ли Золотухина её фамилия, то ли Золотарёва. У этого Хантера была с ней любовная связь, в результате которой родился сын, и эти деньги Хантер просил передать для малыша. Десять тысяч тогда, это, как сейчас миллионов, представляешь сумма?

– Конечно! – горячо поддержал отца генерал с выражением лица хищника почуявшего добычу, – продолжай!

– Хантер назвал адрес, по которому проживала эта Вера, – рассказывал отец, – и слёзно просил Пенькова выполнить его поручение. Мы нашли эту женщину, она на первом же допросе подтвердила показания Пенькова. В отношении её возбудили уголовное дело за сексуальную связь с иностранцем, но выделили его в отдельное производство. Потому ты не нашёл ни слова об этом в материалах дела по раскрытию предателя Пенькова. Женщину осудили, не помню, какой ей дали срок, а грудного ещё мальчишку определили в детский

приют. Это, пожалуй, единственное, что я помню, как не вошедшее в материалы дела. Остальное там всё есть, в то время в КГБ относились к этому гораздо серьёзнее, нежели сейчас....

– Спасибо, отец! – искренне поблагодарил Воронов, – мы разыщем этого мальчика. Это же, сколько ему сейчас? ... Да он уже старик! Но чем он может быть полезен? Он-то и мать, наверное, не помнит?

– Почему? – удивился отец, – она отсидела, как положено и, вернувшись, забрала его из детского приюта. Мы контролировали в то время исполнение подобных приговоров, ведь таким, как она, прописка была запрещена в Москве. Её-то уже может, и нет в живых, но сын думаю, будет вам полезен.

– Каким образом? – насторожился Воронов.

– Если у вас имеется возможность спровоцировать Хантера, который, как мне известно, ещё бодрствует, – предположил отец, – устройте им встречу в Москве, арестуйте и допросите. В советские времена за шпионаж ему бы присудили расстрел, поэтому статья не имеет срока давности. На допросе он вам всё и расскажет!

– Но это вряд ли, отец! – возразил Воронов, – хотя ты и прав относительно срока давности, но наше руководство на это не пойдёт! Да и Хантер вряд ли клюнет на приманку, несмотря, что его пригласит в Москву родной внебрачный сын. Хотя можно рискнуть.... Как думаешь, отец, почему внук Макса Лава Стивен назвал операцию, которую на-

чинает в Москве – «Укус каймана дубль»? У них что, это фамильная черта характера – форсить?

– Не думаю! – категорически отверг отец, – не знаю, как внук, а дед его был хладнокровен и чертовски расчётлив! Неслучайно они тогда опередили нас на два шага и заполучили всё, что хотели! Наверное, повтор кодового наименования объясняется какими-то другими обстоятельствами, ты же не рассказываешь подробности. Да я их и не требую, сам работал в КГБ и знаю, что такое тайна.

– Ну, почему же, – улыбнулся Воронов, – тебе, как бывшему служаке КГБ могу сказать, что сейчас в посольстве США служит внук того самого Джона Мура, работавшего под псевдонимом «Кайман», в проигранной вами операции. Внука зовут Брендон Мур. Что ты на это скажешь?

– Ничего! – ответил отец, – наливай ещё по одной, не то ты за сто грамм хочешь, чтобы я тебе полную лекцию прочёл, как в университете.

Генерал налил по второй рюмке коньяка, оба выпили и закусили шоколадными конфетами, выставленными Диной Авдеевной в вазе.

– На пенсию, сынок, не собираешься уходить? – неожиданно спросил отец, после второй выпитой рюмки.

– А что? – отреагировал вопросом генерал.

– Стыдно тебе не бывает, что работаешь в ФСБ? – продолжал отец, – ведь сегодня, когда у вашего полковника нашли недавно двенадцать миллиардов рублей наличными, стыдно,

наверное, работать в таком коррумпированном ведомстве?

– Это не в моём департаменте, – парировал генерал, – у меня полковники не воруют....

– Какая разница, сын, в чём департаменте такое творится? – прервал его отец, – кто из обыкновенных людей разбирается в ваших структурах? Для народа вы все из ФСБ и мне уже приходилось слышать, что об этом говорят простые люди. Рассуждают ведь как: Если ФСБэшник – значит, вор! Разве подобное могло произойти у нас в КГБ в то время, когда работал я? За подобное бы голову оторвали сразу, без суда и следствия.... Правильно я сделал, что ушёл, как только Горбач занял пост генсека!

Ведь при нём разложилась госбезопасность, это они сдали СССР под развал. Именно с тех пор пошла гниль, куда исчезло золото партии, например? Разве мог Горбач без генералитета КГБ что-либо сделать? Никогда! Взяли бы тихо за задницу и в Форосе том же утопили, и никто не узнал бы, где могила его.... Но ведь нет, поддались на соблазн получить часть партийной казны и всё! Трандец стране! А я служил ещё в здоровом КГБ, где Юрий Владимирович был Председателем. Честнейший человек.... О какой безопасности страны сегодня можно говорить, если у полковника ФСБ нашли полный грузовик денег?

– Отец, не надо, – попросил Воронов, – мне, конечно стыдно за таких полковников....

– Стыдно? – перебил его старик, – уходи из этой банды

к чёртовой матери, если стыдно! Иначе и на меня уже в посёлке смотрят, как на вора.

– Вот закончу операцию «Укус каймана дубль» и уйду, – вполне серьёзно пообещал Воронов, – за тебя отомщу ЦРУ и на заслуженный отдых.... Давай, ещё по одной выпьем!

Отец так и не высказал своего мнения относительно дубля операции, проведённой ЦРУ в 60-х годах. Но этот вопрос постоянно висел в сознании Воронова, как Дамоклов меч, и генерал не прекращал искать на него ответ. Возвращаясь в Москву с дачи родителя, он интуитивно почувствовал, что разыскав внебрачного сына Хантера, можно прояснить причины повтора кодового названия операции «Укус каймана». А пока нужно было интенсивно работать по её нейтрализации, чтобы не проиграть важный фактор противостояния – время.

Секретный объект

Врачи по-разному переживают смерть своего пациента, одним она безразлична, другие эмоционально реагируют на летальный исход подопечного. Протасов достаточно повидал смертей за свою практику и каждый раз, когда пациента не удавалось реанимировать, он несколько дней ходил мрачный и с явным видом побеждённого. Ежедневное противостояние со смертью не загрубило душу доктора и за каждый проигрыш «старухе с косой», он мстил ей, вытаскивая пациентов из загробного мира, когда уже можно было сказать «Царствие небесное». После прочтения Куликовым предсмертной записки Седельникова, у Ильи Кузьмича не было ощущения побеждённого в борьбе за его жизнь, но тяжёлый осадок в душе остался.

Главный врач застал Протасова и Куликова в палате 236, он до утренней пятиминутки, решил лично осмотреть больного Седельникова, вышедшего из комы. Войдя в палату, Пётр Серафимович от удивления открыл рот. Седельников был мёртв, его тело лежало на спецкроватьи со сложенными на груди руками, профессор Куликов поправлял у его изголовья наволочку. Протасов не ожидал появления главного врача, и уже приготовился к нагоню и его жёлчным вопросам: «Ну, что? Лечить будем пациента или он сам умрёт?»

– Что случилось, Илья Кузьмич? – спросил главный, свер-

кая от негодования глазами.

– Пациент неожиданно скончался! – мрачно произнёс Протасов, – Вы сами всё видите....

– Я не понимаю, – недоумевал главный, – больной вышел из комы, чтобы умереть?

– Вам откуда известно, что он ночью пришёл в себя? – удивился Илья Кузьмич.

– Мне звонила медсестра, – признался главврач, – обрадовать меня хотела!

– Вы приказали ей шпионить за мной? – возмутился Протасов, – как мило с Вашей стороны! Я сегодня же подаю заявление об уходе, хватит меня унижать недоверием!

– Кстати, где она сама? – спросил главный, смягчив тон.

– Документы оформляет на покойного, – удручённо ответил Протасов.

– Напомните ей позвонить в РОВД по вопросу захоронения, – уже спокойно посоветовал Пётр Серафимович, покидая палату, – чтобы не тянули время!

– Никаких РОВД! – неожиданно заявил Куликов, – я беру расходы и организацию похорон этого человека на себя! Отдайте лучше приказ выдать труп ритуальному бюро, которое я найму сейчас по телефону для организации погребения Седельникова.

– А Вы кто ему, родственник? – протестовал главный врач, – тогда предъявите соответствующий документ.

– Он мой ученик и последователь, – серьёзно ответил Ку-

ликов, – что я Вам могу предьявить?

– Я присоединюсь к Анатолию Петровичу, – поддержал профессора Протасов, – и прошу оформить выдачу тела умершего на меня. Вы же знаете, что в порядке личной инициативы я имею на это право....

– Делайте, что хотите! – махнул рукой Пётр Серафимович и покинул палату.

Профессор тоже был огорчён смертью Седельникова, но он теперь знал, что в будущем времени его теоретические работы станут основой в реализации национальной программы по спасению Разума Вселенной. Седельников оказался последователем профессора Куликова из будущего времени, и его потеря для учёного не могла пройти бесследно. Анатолий Петрович оплатил все расходы по погребению Седельникова, Протасов действительно подал заявление об уходе с работы и активно помогал профессору в его хлопотах. В то же время было непонятно, что имел в виду умерший, уверяя в своей записке: «Что касается вашей дальнейшей работы, то хочу уведомить вас – начинайте её...». Где и как? Вот так обыденно – явиться к ректору МГУ и сразу же начинать?

Хоронить Седельникова решили, не кремируя, Куликов заказал ему мраморный памятник, чтобы «в будущем времени могилу молодого, но перспективного аспиранта смогли найти родственники». Этот его аргумент звучал очень нелепо, но Протасов не стал спорить. Похоронить челове-

ка в Москве проблематично, большинство кладбищ столицы являются закрытыми, то есть захоронения на них производятся только на родственных участках. Новые места предоставляются лишь на трёх кладбищах: Перепечинском, Алабушевском и Ново-Богородском. Ритуальное бюро, нанятое Куликовым, рекомендовало Востряковское кладбище, как самое близкое. Оно расположено на юго-западе Москвы на территории района Трёпарёво-Никулино и ограничено Озёрной и МКАДом. Хозяин ритуальной фирмы, лично пообещал профессору, что сам решит вопрос о выделении нового участка под захоронение.

Это иудейское кладбище, в начале XX столетия относилось к селу Востряково. С 60-го года прошлого века оно уже оказалось в черте Москвы, а с 2017-го её территория была расширена благодаря организации отдельной иудейской части. Могилы там оформляются в едином стиле, без оград и к каждой можно подъехать на автомобиле. На территории имеется православный храм, представляющий собой небольшую кубическую двусветную церковь с полукруглой апсидой. Это новый храм, его открыли в 2000-м, а через год, торжественно освятили в честь Иоанна Предтечи. На Востряковском кладбище похоронены известные люди, Герои СССР – Богушевич, Бородачёв, Терёшкин и Туровцев. Имеется братская могила на тысячу двести воинов, умерших в московских госпиталях во время Великой отечественной войны.

Поучаствовать в похоронах пожелала и медсестра Юлия, она с позволения Куликова пригласила на ритуал ещё с десятков сотрудников младшего обслуживающего персонала. Среди санитарок и подсобных рабочих был тот самый охранник, звонивший Протасову, когда увидел на лестнице больницы страшную ведьму. В тот вечер он не поверил Илье Кузьмичу, что это был призрак, субстанция детского страха патриарха рода Седельниковых, передаваемый по наследству с гаплогруппой R1a1. Теперь он знал, что в гробу лежал человек, возвращение Сознания которого сопровождалось появлением нечистой силы и, будучи набожным, крестился и шептал под нос молитву.

У выкопанной могилы стояли сотрудники клинической больницы, а у гроба Куликов с доктором. Неподалёку расположились работники ритуального бюро в ожидании, когда закончится прощание с покойным, чтобы опустить гроб в могилу и завершить выполнение заказа. Несмотря, что вдоль проездов кладбища было много деревьев и кустарника, местность хорошо просматривалось вдаль, потому, как могилы этого кладбища не имели оград, и насаждений.

– Свят, свят, свят, – прошептал охранник, – посмотрите люди, это снова она...

По асфальтированной дороге от храма шла страшная старуха. Её, седые нечёсанные волосы длиной до поясницы, тербил ветерок, таинственно и зловеще развевая эти космы. Старуха шаркала ногами, передвигая их, как лыжи, держа

обе руки вытянутыми вперёд. Так делают слепые люди, если им приходится идти без поводыря. На старухе было надето грязное рубище древнего покроя, придающее ей зловещий вид, а на ногах лапти. Физиономия ведьмы была страшной и могла испугать кого угодно, её пожелтевшие зубы напоминали клыки вампира. Эта страшная бабка магически гармонировала с крестами и памятниками кладбища, наводя ужас на стоящих у могилы медработников.

– Ведьма! – радостно вырвалось у Ильи Кузьмича, – смотрите профессор, его Сознание вернулось!

Присутствующие на церемонии медработники в страхе сбились в кучу, не понимая, чему радуется Протасов. Водитель ритуального микроавтобуса спрятался в кабине, а работники побросали на землю лопаты и спешно влезли в фургон. Многие ускоренно крестились, на охранника жалко было смотреть. Илья Кузьмич пристально наблюдал за телом покойного в надежде, что труп начнёт оживать, как это не раз уже было в палате 236, а Куликов с улыбкой смотрел на приближающуюся ведьму. Но чуда не происходило, покойник оставался лежать неподвижно и не подавал признаков жизни.

Ни Протасов, ни Куликов не испытывали в этот раз оцепенения, в отличие от остальных. Никто из присутствующих не мог сделать ни единого движения, а только тупо смотрел на уже подошедшую почти к самой могиле ведьму. Старуха злобно зашипела и сверкнула глазами, и остановившись

на некоторое время, продолжила свой путь. Протасов обратил внимание, как со стороны храма, откуда чуть раньше появилась ведьма, по асфальтированной дороге шёл странно одетый человек. На вид ему не больше тридцати, несмотря на отпущенную короткую бороду и усы. Он был облачён в зипун, представляющий собой распашную верхнюю одежду без воротника, в синие шаровары, красные сафьяновые сапоги, на голове шапка из куницы с бархатным верхом. На боку у молодого мужчины висела казацкая шашка с красивым резным по кости эфесом и вставленными в него несколькими рубинами.

Вскоре старуха скрылась из вида, а этот странно одетый молодой мужчина подошёл к самой могиле. Он молча смотрел на покойника, не произнося ни слова, повелительно поднял вверх руку. Работники ритуального бюро, у которых, как по мановению, снялось оцепенение, подчинялись его жестам беспрекословно. Они быстро взяли крышку, стоящую у фургона и поднесли к гробу. Магически повинувшись этому молодому незнакомцу, закрыли его на защёлки и опустили в могилу. Мужчина первым бросил в неё горсть земли, и только после этого у остальных присутствующих исчезло оцепенение. Но никто не осмеливался подойти к могиле и первым, кто повторил это за незнакомцем, был Куликов.

– Вы кто? – спросил он странно одетого мужчину, – ваше лицо напоминает мне кого-то, только я вспомнить не могу!

– Я Кондратий Черкашенин, сын атамана Всевеликого

Войска Донского! – охотно ответил незнакомец, – не мог не прийти посмотреть, где будет захоронено моё тело!

– Ты Седельников? – догадался Протасов, вздыхая, – ну, зачем так поступил, друг мой? Стоило ли покидать наш мир?

– Я написал Вам об этом, – сухо ответил Кондратий, – начинайте работу, вас скоро пригласят! Перед смертью я изменил прошлое так, что ваше новое место работы уже существует! ...Ну, всё, мне пора!

– Но как Вы попали в наше время? – удивился Куликов.

– Через астрал, профессор, Вам ли не знать? – ответил Кондратий, спешно удаляясь от могилы.

– Кто нам должен позвонить? – вопрошал вслед Протасов, но Кондратия уже не было, он, будто растворился за стволами деревьев. Опомнившиеся от оцепенения и шока медработники приближались к могиле и бросали в неё горсти земли. Люди находились в состоянии аффекта, и мало кто из них мог что-либо объяснить самому себе о произошедших здесь событиях. Работники ритуального бюро засыпали остальную землю в могилу и установили заказанный Куликовым памятник. Под высеченной на нём фотографией красовалась надпись: «Седельников Георгий».

– А отчество его мы так и не узнали, профессор, – сожалел Протасов, – дату рождения – тоже!

– Его близкие исправят, если что, – ответил Куликов, – там, в будущем времени!

После похорон по христианскому обычаю должны были

состояться поминки. Куликов заказал их в кафе, принадлежащем ритуальному бюро. Но медперсонал в полном составе отказался поминать человека, по мнению Юлии, связанного с нечистой силой.

– Зачем вы все тогда пришли хоронить его? – спросил Протасов.

– Нам было интересно, – отвечала за всех Юлия, – оживёт этот таинственный пациент в очередной раз или нет? Я в своё время информировала наших сотрудников, как это происходило в палате 236, где он играл в шахматы и даже танцевал. Его должна была воскресить нечистая сила перед захоронением, кому интересно на это посмотреть, пришли его хоронить! У каждого мобильник, чтобы снять видео и выложить в Интернет....

Протасову и Куликову пришлось вдвоём поминать Георгия, а поскольку стол был заказан человек на двадцать, к ним присоединились работники кафе. Профессор выступил с речью-некрологом и охарактеризовал Седельникова, как своего последователя, известного в будущем специалиста по квантовой механике и просто хорошего душевного человека.

– Анатолий Петрович, скажи мне, – поинтересовался Протасов, когда после выпитой рюмки все начали кушать, – каким образом он подсеял наше Сознание в будущее время, моё – на Планету Двойного Солнца, а твоё на Паладис? Ты же должен знать, Седельников делал это с помощью тво-

его компьютера.

– Я нашёл в ноутбуке дополнительное приложение, – отвечал Куликов, – он записал его, когда вырубил нас в палате перед тем, как подселить наше Сознание в будущее время. Мой айтишник смотрел это дополнение и был сильно удивлён его языком программирования.

– Почему и спрашиваю, – загорелся интересом Протасов, – откуда он мог его записать, если при поступлении в моё отделение у него не было ничего, кроме ручки-шприца и твоей фотографии? Я понимаю, что записать дополнительную программу можно было только с флэшки, диска или другого носителя....

– Действительно! – подхватил Куликов, – молодец доктор, а я об этом не подумал! Но у кого мы теперь спросим?

– У Кондратия! – произнёс Протасов, гордясь своей догадкой, – он знает, вернее Сознание Седельникова, которым обладает этот казак!

– Но мы с тобой не можем попасть в XVI век, – возразил Куликов.

– А как Кондратий попал сегодня на кладбище? – с хитринкой поинтересовался Протасов.

– Он сказал, что через астрал! – вспомнил Куликов, – но как это сделать я не знаю.

– Но Вы же, профессор, бывали там и должны догадаться, как это делается, – горячо убеждал Протасов, – когда-то говорили мне, что в астрале обитают сгустки энергии людей,

как бы их души. Там можно встретить любых индивидуумов, и давно уже умерших, и живущих в нашем мире, и даже ещё не родившихся, или тех, кто обитает в параллельных мирах. А значит в астрале можно найти Георгия, ну или Кондратия....

– Стоит ли напрягаться ради одного вопроса: с чего Георгий переписал дополнительное приложение к моей программе? – улыбнулся Куликов, – это вовсе не важно, главное, что оно установлено и работает. Правда, мы с моим компьютерщиком ещё не разобрались с его интерфейсом. Уверен, скоро и мне и Вам некогда будет даже думать об этом, нас ожидает грандиозная работа, о чём говорил сегодня казак.

– Интересует вопрос, связанный именно с будущей работой, – заговорщически произнёс Протасов, – как Георгий телепортировал через астрал эту программу, когда появился в нашем времени и попал ко мне в отделение? По его же словам, посторонний предмет перенести, таким образом, во времени невозможно! Вспомните освоенный им метод телепортации, сначала Сознание переносится, а затем тело сквозь астрал. Но посторонние предметы протащить через него с собой невозможно! Помимо разработки силаноциллина, именно эта проблема должна быть решена в будущем. Как телепортировать антибиотик на планеты-поселения?

– У Вас есть идеи? – улыбнулся Куликов.

– Имеются! – уклончиво ответил Илья Кузьмич, – американцы эту проблему решат в будущем, но каким образом?

А чтобы узнать секрет, мне нужно вновь посетить Планету Двойного Солнца, и захватить американского колониста в плен.

– Как только мы с моим программистом разберёмся с интерфейсом записанного Седельниковым приложения, я смогу подселить Ваше Сознание тому же силану-киборгу на Планету Двойного солнца, – резонно предположил профессор, – зачем об этом спрашивать у Кондратия-Седельникова?

– Нужно будет через астрал телепортировать туда хирургический инструмент и кое-какие препараты, – ответил Протасов, – как это делают американцы в будущем.

– Но тогда нет смысла захватывать их колониста в плен? – недоумевал Куликов, – если мы научимся телепортировать через астрал Ваши препараты!

– Ах, да! – спохватился Протасов, – что-то меня зациклило....

– По-моему Вы торопитесь, друг мой! – улыбнулся Куликов, – нам ещё нужно получить приглашение на новую работу!

– В таком случае, будем ждать звонка, о котором нас предупредил Кондратий! – завершил разговор Протасов, – а решение всех проблем по мере поступления, как говориться!

Действительно, спустя два дня Протасову и Куликову позвонил руководитель национальной программы по спасению Разума Вселенной некто академик Павел Прокопьевич Ла-

нин. Он вежливо представился и пригласил на беседу. При этом пообещал, что на следующий день за обоими заедет его порученец на служебном «Лексусе» и доставит их в нужное место. На возникшие вопросы, академик не стал отвечать в целях обеспечения секретности, чем удивил Протасова и Куликова. В назначенный день оба соискателя уже мчались в роскошном автомобиле по Ленинградскому шоссе в сторону Твери.

Порученец Ланина оказался неразговорчивым и замкнутым мужчиной возрастом около сорока лет. Он не отвечал на вопросы Куликова, которого в первую очередь интересовало место, куда их везут? Протасов тоже пытался задать несколько вопросов по поводу наименования учреждения, где работает академик Ланин. Но порученец упорно не отвечал, и это вывело Илью Кузьмича из равновесия.

– Ты робот что ли? – гневно вопрошал он, – тебя люди спрашивают, чего молчишь?

– На все вопросы ответит шеф, – вяло мямлил порученец, – моё дело привезти вас в конечный пункт.

– Вы, любезный, только не усните за рулём, – иронизировал Куликов, – иначе мы вообще никуда не доедим!

– Не нравится мне эта секретность, профессор, – высказался Протасов, незаметно подмигивая Куликову, – давайте откажемся от такой работы? Объясним академику Ланину, что не понравился нам его порученец.

– Придётся так, и сделать, – подыграл доктору профес-

сор, – скажем, если помощник руководителя такой угрюмый и не разговаривает, наверное, и работа будет аналогичной!

– Мне не велено говорить с вами о чём-либо, – встрепенулся порученец, – меня заслушание могут с работы уволить! Сжальтесь надо мной, господа, не говорите так академику....

– Как у вас там всё строго? – удивился Куликов, – успокойся, дружище мы шутим!

Тем временем от Москвы проехали порядка ста километров и «Лексус» неожиданно сбросил скорость. Протасов посмотрел в тонированное окно и увидел указатель вправо «Национальный парк «Завидово».

– Мы на охоту едем? – недоумевал Протасов, глядя на порученца.

– Нет, – отвечал тот, – просто наша лаборатория находится в национальном парке.

– Вот, молодец, заговорил, как надо, – похвалил его Куликов, – однако странное сочетание – заповедник и секретная лаборатория.

Автомобиль свернул с Ленинградки и по второстепенной дороге проехал ещё около пяти-семи километров, прежде чем остановиться у контрольно-пропускного пункта. Двое вооружённых автоматами солдат подошли к «Лексусу» и попросили всех выйти из него. Приказали стать к ним спиной, лицом к автомобилю. Затем нагло обыскали дорогой портфель Куликова, прошупали каждого на предмет нали-

чия оружия, осмотрели салон и багажник, и только после этого приступили к проверке документов.

– Куда мы попали? – возмутился Протасов, – может быть действительно отказаться пока не поздно?

– Придётся терпеть, доктор, – посоветовал Куликов, – судя по степени секретности, работа обещает быть интересной.

Вряд ли найдётся человек в России, который не слышал бы о Завидово, знаменитом охотничьем хозяйстве-заповеднике. Начиная с XVI столетия, здесь, между Москвой и Тверью, Великие князья-государи любили устраивать соколиную охоту, а также в окружении свиты гоняли верхом на лошадях марала и изюбря с борзыми собаками и громкой ружейной пальбой. В лесах, степях и болотах заповедника, в огромных количествах изобилует фауна. Травоядные – лоси, изюбры, маралы, дикий кабан, зайцы и косули. Хищников представляют волки, медведи, рыжая и чёрно-бурая лисица. Реки и озёра облюбовали бесчисленные стаи перелётной водоплавающей птицы, водится много рыбы, раков и бобров, лесные поляны изобилуют ягодой и грибами. Оттого, наверное, издавна пошло и прозвище сим заповедным местам, крестьяне со времён правления Ивана Грозного завидовали изобилию этих мест. Однако пройти на территорию царского охотничьего хозяйства до настоящего времени даже без ружья, удочки и лукошка для грибов, строго запрещено.

Пришедшие к власти большевики относились понача-

ду к царскому заповеднику без повышенного внимания, и только в 20-х годах Сталин приказал образовать здесь военно-охотничье хозяйство Московского округа. Генсек, не увлекающийся охотой, распорядился передать этому заповеднику более двадцати тысяч гектаров земли, раскинувшейся в живописнейших местах Подмосковья и Тверской области. «Военно-стратегический» объект привилегированного места охоты и рыбалки был под бдительной охраной ГПУ-НКВД и специального батальона Наркомата обороны. Впоследствии эту почётную функцию возложили на девятое управление КГБ СССР, а в настоящее время вахту охраны несёт ФСО и спецподразделения Росгвардии. Финансирование на содержание огромного штата егерей, прислуги, рабочих по сбору ягоды, грибов, колбасных, консервных предприятий, содержание строений и прочих затрат осуществляется из статьи бюджета на военные расходы.

Когда Иосифа Виссарионовича стало раздражать массовое увлечение охотой высшей партийной номенклатуры, он решил пресечь «барские замашки», к тому же опасался заговора против себя. В начале августа 1951 года по распоряжению вождя земли военно-охотничьего заповедника были переданы Козловской суконной фабрике, а само хозяйство расформировано. Пришедший к власти Хрущёв, большой любитель охоты, вначале 60-х вновь загорелся желанием восстановить в Завидово показательное охотничье хозяйство. На заседаниях Политбюро он мотивировал необхо-

димостью приглашать в заповедник для откровенных разговоров руководителей дружеских стран, и это впоследствии назвали «охотничьей дипломатией». Завидово расширяло территории, строились новые «объекты» для создания максимальных удобств высокопоставленным стрелкам. На охоту приглашали руководителей социалистических государств, зарубежные партийные и правительственные делегации. Их обслуживало больше пятисот егерей, отстрел продолжался и между посещениями высокопоставленных охотников, убитую дичь отправляли на переработку, из неё готовили колбасу и тушёнку.

Малообразованный, безграмотный и некультурный Хрущёв вёл себя в Завидово подобающе, пренебрегая «охотничьим благородством». Когда ему загоняли зверя, находясь в подпитом состоянии, он устраивал жестокие кровавые побоища, стрелял, не останавливаясь, пока не надоест. Вошедшему в раж генсеку не осмеливались напомнить, что истинные охотники подобным образом себя не ведут. По этике ценителей распространённого в ЦК хобби, отстреливать животных в больших количествах ради забавы, не принято. Охотоведы и егеря с отвращением наблюдали, как Никита ради удовольствия, мог стрелять до последнего патрона. А перед утеплённой специальной вышкой генсека, быстро образовывалась куча убитых им кабанов, лосей зайцев или другой живности. Такие сооружения по территории начали строить по приказу Хрущёва, потому что толстый, малень-

кий ростом и неуклюжий генсек идти по следу или стоять на номере не мог.

Сменивший Хрущёва, Брежнев тоже являлся большим почитателем охоты, но очень трепетно, с любовью относился к заповеднику Завидово. Он в отличие от Хрущёва был культурным любителем охоты, никогда не разрешал себе зря губить зверя, ради наслаждения. Леонид Ильич получал удовольствие от процесса подготовки и самой охоты, оставаясь равнодушным к количеству трофея и его набору. Ему неважно было, кого стрелять, лося или кабана, зайца, гусей или уток. Как правило, ограничивался одним метким выстрелом и никогда не устраивал жестоких кровавых побоищ, чем снискал уважение профессиональных егерей и obsługi заповедника. Компаньонами генсека по охоте часто были министр обороны Гречко и МВД – Щёлоков. Здесь генсек также привечал глав других стран для успешного решения «щекотливых» политических вопросов. И конечно, любил фотографироваться, для чего вёл отдельный альбом.

В брежневские времена Завидово расширялось, вначале 70-х заповедник занимал уже сто двадцать пять тысяч гектар, благоустройство территории лично контролировал министр Гречко. По его приказу проводились асфальтированные дороги, недалеко от Ламы был возведён бревенчатый терем, а рядом гостиница на двенадцать номеров люкс с кинозалом и всеми удобствами. По стенам были развешаны охотничьи трофеи и оружие, имелся огромный бильярдный

стол. На территории работало спецподразделение, возводившее одиннадцать различных комплексов. Их называли базами – жилые дома с современными средствами связи, автономным отоплением и водоснабжением. Рос штат поваров, охранников, горничных, подсобных рабочих и кочегаров. Самой роскошной и недоступной была Центральная база, занимающая девятнадцать гектар, скрытая бетонным забором. Она была, по сути, правительственной резиденцией. Разной обслуги в «царском заповеднике» насчитывалось до полутысячи человек и гаражи, вмещавшие больше ста автомобилей. Для работников заповедника создали хорошие условия: дома, детсад, магазин и клуб.

Леонид Ильич придумал порядок поощрений партийных работников пайками из Завидово. Их получали к коммунистическим праздникам и накануне Нового года, ассортимент набора согласовывался с руководством КГБ и регламентировался в зависимости от положения в партийно-административной иерархии. Для этого заранее осуществляли отстрел зверей и птицы, сетями ловили рыбу, производили копчения и колбасы, собирались ягоду и грибы. А чтобы исключить возможное пищевое отравление, всё проверялось тщательным медицинским пропуском. Каждому члену Политбюро полагались к празднику задняя часть туши лося или марала. Три бочонка жира заливной охотничьей колбасы, десять уток или гусей, 10 кг свежей рыбы из экологически чистых водоёмов, три батона произведённой в Завидово коп-

чѐной колбасы из дичи, а также ягоды, мѐд и грибы. Кандидаты в члены Политбюро получали примерно такой же подарок, но без задней части туши лося и с уменьшенным количеством колбас, уток и рыбы. Секретарям ЦК по статусу – только задок оленя или лося, а также половинную «норму» набора кандидата в члены Политбюро.

Подарки развозили офицеры спецсвязи КГБ на дом работникам партаппарата по заранее утверждѐнным спискам с адресами. С удовольствием получал эти дары и «непримиримый борец с привилегиями» Ельцин. «Подарки» из Завидово отменил Горбачѐв. Накануне Первояма 1989 года он распорядился в дальнейшем «дары леса» направлять в торговую сеть. Этот запрет очень скоро забыли, и пришедшие к управлению страной «демократы» перещеголяли всех генсеков, правящих в годы советской власти. Заповедник теперь называется национальным парком, но доступ на его территорию обычным гражданам по-прежнему строго воспрещѐн. Какой же «национальности» этот парк, занимающий сотни тысяч гектаров в самом центре России? Это уже не национальный парк, а резиденция Президента РФ «Русь» и стерегут Завидово ФСО ФСБ и Национальная гвардия.

...Автомобиль продолжил путь по живописной территории известного заповедника. Нетронутая человеком природа дарит здесь наблюдателю неповторимое чувство гармонии с ней. Рельеф и фауна национального парка сами по себе впечатляют, а смелое поведение представителей животно-

го мира ещё раз доказывают мудрость естества совместного сосуществования травоядных, хищников, птицы и человека. Здесь на асфальтированную дорогу в любой момент может выбежать лось или изюбрь, на обочину вдруг выскочит дикий кабан, одинокий волк или лисица. В лесной чащобе бурая медведица, не обращая внимания на проезжающий автомобиль, спокойно облизывает потомство медвежат. На степном участке наблюдается изобилие заячьей вольницы, а проезжая по берегу реки или озера обязательно спугнёшь стаю дикой водоплавающей птицы. Проехали ещё порядка пятидесяти километров и снова остановились у контрольно-пропускного пункта.

Вправо и влево от него тянулся высокий забор из бетонных конструкций, что подтверждало повышенную секретность объекта. Но здесь во время проверки документов и автомобиля охранники проявляли корректность. К «Лексусу» подошли два человека в камуфляже, но уже без автоматов. Охранники вежливо попросили всех выйти из машины, осмотрели салон, и просканировали его какой-то рамкой-искателем. Затем проверили содержимое портфеля Куликова, внимательно посмотрели документы и разрешили проехать на территорию.

– Вы помощник руководителя программы, неужели охрана не знает Вас в лицо? – удивился Куликов.

– Это неважно, – ответил порученец, – здесь такой порядок, – сегодня посредством сложного пластического грима

вполне реально из Вас сделать Ланина....

– Хорошо, что не Ленина! – пошутил Протасов, – меня начинает напрягать вся ваша секретность.

Автомобиль подкатил к парадному входу двухэтажного здания и помощник, выйдя из машины и предусмотрительно открыв заднюю дверь, пригласил будущих сотрудников, следовать за ним. У входа внутри здания стояли ещё два охранника, которым помощник предъявил всего лишь свой пропуск. Жестом руки он указал на Куликова и Протасова, буркнув при этом: «Они со мной» и молодые крепкие мужчины пропустили всех внутрь. Они даже не пытались заглянуть в портфель профессора. Приёмная Ланина находилась на втором этаже, молодая секретарь со словами: «Павел Прокопьевич уже ждёт вас», пригласила посетителей к шесту. Куликов и Протасов были удивлены радушному отношению к ним хозяина кабинета, пожилого мужчины приятной внешности, который резво поднялся им навстречу.

Он предложил сесть обоим у приставного столика и повторно удивил их, отличным знанием фамилии, имени и отчество каждого приглашённого. Куликов переглядывался с Протасовым, недоумевая, чем вызвано такое внимание академика к их скромным персонам.

– В силу своей занятости, – начал разговор академик, – я сразу перейду к делу. Накануне мне поступило ходатайство Российской Академии наук о вашей работе в программе спасения Разума Вселенной. Скажу так, что это ходатайство

представляет собой, по сути, приказ, подписанный президентом РАН, который я не могу не исполнить. Наша лаборатория находится под охраной ФСО и является строго засекреченным объектом с литерой «С». Данное ходатайство, как предписание, утверждает Вас, Анатолий Петрович на должность заведующего теоретической группой по квантовому моделированию телепортации Разума Вселенной в параллельный мир. А Вас, Илья Кузьмич, старшим научным сотрудником в отдел академика Журавлёва.

– Я извиняюсь, – вклинился в монолог Ланина Протасов, – откуда Академия могла знать о моём существовании, ведь я никогда не занимался наукой? Мне понятно, что Анатолий Петрович известен в РАН, он доктор наук, профессор и давно занимается квантовой теорией, но я-то тут причём?

– Сие, господа, мне неизвестно! – отмахнулся Ланин.

– Доктор, помните, Седельников предлагал нам участие в программе? – осадил Протасова Куликов, – это он организовал ходатайство! Кондратий же сказал нам на кладбище: «...ваше новое рабочее место уже существует».

– В таком случае мы ещё не оговорили главный вопрос о нашем согласии на работу, – упорствовал Протасов.

– Вас что-либо не устраивает? – удивился Ланин, – я считал, что высокооплачиваемая, интересная работа понравится любому, и поэтому не спрашиваю вашего согласия.

– Меня не устраивает эта секретность, – обосновал Протасов, – похожа на детские игры.

– Это необходимо, поверьте! Любая иностранная разведка, заплатила бы миллиарды долларов, чтобы хотя бы одним глазком посмотреть, что мы создаём, – отреагировал Ланин.

– Да и удалённость от Москвы не может радовать, – продолжил Протасов, – трудно представить, сколько времени нужно на ежедневные поездки на работу и обратно....

– Наши сотрудники все проживают на территории объекта в одном большом многоквартирном доме, – сообщил Ланин, – вам тоже предоставим благоустроенные квартиры, вы перевезёте сюда своих жён и несовершеннолетних детей, если таковые имеются. У нас всё охраняется и жилой сектор тоже, поэтому ваши близкие будут находиться в безопасности, как и вы.

– А что может угрожать нашим семьям? – искренне удивился Протасов.

– Я не смею Вас запугивать, – отозвался Ланин, – но на работе в засекреченных объектах всякое бывает. Возьмут в заложники близкого человека и начинают шантажировать, с целью добыть секретные сведения, например. Поэтому, к сожалению, в таком вопросе ваш выбор ограничен!

– Придётся согласиться, доктор! – вставил слово Куликов, – помните, что мы обещали Седельникову перед его смертью?

– Хорошо, я согласен! – твёрдо произнёс Протасов.

– Замечательно, господа! – пафосно отреагировал Ланин, – если это так, то я приглашу сюда начальника службы

безопасности, и вы оба сейчас подпишите документы о допуске к государственной тайне.

На вызов Ланина появился мужчина в строгом костюме с папкой в руке. Куликов и Протасов подписали документы, которые тот поочерёдно подавал каждому и прятал их обратно. Закончив процедуру допуска к гостайне, мужчина покинул кабинет, а Ланин подписал заявления доктора и профессора о приёме на работу. Затем Павел Прокопьевич решил показать вновь принятым сотрудникам лабораторию. Он целенаправленно избрал первым подразделением теоретическую группу квантовой модели параллельных миров, где сразу же представил Куликова, как её нового руководителя. Коллектив, численностью около пятидесяти человек дружно аплодировал профессору, а присутствие здесь доцента кафедры квантовой теории МГУ Николая Михайловича Сошникова, крайне удивило профессора.

– Рад, Анатолий Петрович, что Вас назначили на эту должность! – поздравил профессора Сошников, временно занимавший её до Куликова, – я искренне рад, что мне вновь придётся трудиться под вашим началом.

– Как Вы здесь оказались? – растерянно произнёс Куликов, глядя по сторонам, – ведь Вы же работаете со мной на кафедре в МГУ....

– Я здесь тружусь уже более года, – ответил Сошников, – с самого начала вступления в строй лаборатории!

– Не позднее третьего дня я видел Вас на кафедре

в МГУ! – растерявшись окончательно, выдавил из себя Куликов, – да и вообще Вы весь год работали вместе со мной. . . .

– Вы что-то путаете, Анатолий Петрович, – настаивал Сошников, – я давно уволился из МГУ, хотя лаборатория официально находится под его эгидой.

– Быть этого не может! – вспыхнул Куликов, – что Вы мне голову морочите? Расскажите, как Вы сюда попали? По чьему протезе?

– Вы не нервничайте, Анатолий Петрович, – спокойно отвечал Сошников, – меня перевели на эту работу по ходатайству РАН. В МГУ я не появлялся больше года, если мне не верите, спросите у Павла Прокопьевича.

– А в чём дело, коллеги? – улыбаясь, спросил Ланин, – не нужно спорить, каждый будет выполнять свои обязанности согласно должностной инструкции и всё! Николай Михайлович действительно трудится у нас больше года, равно, как и я, со дня открытия лаборатории.

– Да я его в МГУ почти каждый день видел, – протестовал Куликов, – и в последний раз не позже третьего дня! Вы меня за сумасшедшего держите?

– Теперь и здесь начинается мистика! – заметил Протасов.

– Что Вы имеете в виду? – удивился Ланин.

– Один и тот же человек в одно и то же время находился в разных местах! – ответил Протасов, – такого не было даже в палате 236!

– Спасибо, доктор, напомнили! – с улыбкой спохватился

Куликов, – я совершенно забыл о науке, которой занимаюсь. Подобная ситуация, согласно квантовой теории, называется суперпозицией. Я Вам после объясню смысл....

– Почему только доктору и позже? – удивился Ланин, – нам всем интересно было бы узнать Ваше мнение по возникшему недоразумению прямо сейчас!

– Боюсь, всем присутствующим здесь трудно поверить в путешествие во времени, – улыбнулся Куликов, – дело в том, что один наш общий знакомый, которого мы с доктором видели недавно на кладбище, сказал нам: «Я изменил прошлое так...» А это значит, согласно моей квантовой модели параллельных миров, в университете я встречал господина Сошникова в одном из них, который образовался расщеплением существующего до вмешательства Седельникова. А оно заключалось в следующем: вернувшись в прошлое, он убедил президента РАН в необходимости строительства вашей лаборатории! Я не знаю, как ему удалось, но уверен – это произошло года два назад. Данный факт подтверждает само строительство и последующая деятельность вашей лаборатории.

– Профессор, Вы же знаете, я оппонент Вашей квантовой модели параллельных миров! – возразил Сошников, – к тому же никому из нас неизвестно, кто такой Седельников и кого вы встречали на кладбище? Хотите напустить мистического тумана?

– Вовсе нет, – ответил Куликов, – я не хочу долго расска-

зывать, будет время, когда-нибудь сделаю это. Лично Вам, коллега Сошников, поясню: Седельников – это тот человек, который протезировал Вашу кандидатуру в РАН на должность временно исполняющего обязанности руководителя теоретической группой по моделированию спасения Разума Вселенной в параллельном мире. Поэтому Вы исполнили обязанности руководителя группы до даты моего назначения, как я понял. Я сейчас объясняю, почему Вы одновременно были в двух различных местах! И если Вы не согласны с моей квантовой моделью параллельных миров, то эксперимент, осуществлённый когда-то Вигнером, Вы, как учёный должны знать!

– Какой, именно? – азартно включился в спор Сошников.

– Тот самый, – загорелся в ответ Куликов, – после проведения, которого было установлено, что объективной реальности не существует! Если Вы помните, в лаборатории тогда находился его друг, а сам Вигнер наблюдал за ходом эксперимента на расстоянии и не имел возможности определить, какой результат будет получен другом. Экспериментатор измерял состояние фотона, а он согласно законам квантовой механики, может иметь горизонтальную или вертикальную поляризацию. Значит, до измерения фотон находился в двух состояниях одновременно, то есть в суперпозиции.

С точки зрения Вигнера, фотон и лаборатория аналогично находились в таковой даже в тот момент, когда друг уже получил результат. Это противоречило точке зрения экспе-

риментатора, поскольку он уже определил состояние фотона. Таким образом, друг и сам Вигнер как бы существовали в двух реальностях, которые противоречат друг другу. Только после того, как экспериментатор сообщил Вигнеру результат, они оказались в одной реальности. Именно это и произошло с Вами и со мной, когда нам с доктором на кладбище один наш знакомый сообщил результат своего воздействия на прошлое....

– Коллеги, может быть, прекратим теоретические споры? – вмешался Ланин, – у вас будет ещё время на научные дебаты!

Бывший и новый руководитель прекратили спор, и Ланин повёл вновь принятых в штат Протасова и Куликова в следующее подразделение лаборатории. Им руководил академик Журавлёв, которого Протасов визуально знал, изучая его научные труды по нейрологии. В руководимом им подразделении были два отдела – генетиков и фармакологов, в последнем и предстояло работать Протасову. Он никогда не занимался разработкой лекарств и поэтому первый его вопрос к академику Журавлёву был соответствующий.

– За вас лично, хлопотали в РАН, – ответил Журавлёв, – не важно, что Вы практиковали реаниматологом, именно такой сотрудник нам и нужен. Вы будете заниматься и у нас практикой, с той лишь разницей, что все испытания разрабатываемого силаноциллина и препаратов обезболивания для киборгов будут проводиться в лабораторных условиях.

– А что, уже имеется объект для работы? – удивился Протасов, – или я что-то не понимаю?

– Пока идёт разработка такого препарата, – ответил за Журавлёва Ланин, – но мы уже сделали главный шаг к победе! Сейчас пройдем к генетикам, и вы увидите первый организм, в молекулах которого вместо углерода – кремний. Это двужаберный цефалопод, представитель класса головоногих моллюсков, которого наши генетики назвали Яшей. Он прошёл, первые испытания и может спокойно плавать в кипятке. По предварительным расчётам легко выдерживает температуру в триста градусов по Цельсию. Дышит в растворе аммиака и других, агрессивных жидкостях.... Теперь генетики должны вырастить из него первый высокоразвитый организм.

Ланин говорил всё это по ходу следования и с гордым видом, опережая профессора и доктора, вошёл в отдел генетиков. Сотрудники, работающие здесь, поднялись и стоя приветствовали академика и руководителя. А он воодушевлённый любопытными взглядами новичков приказал продемонстрировать Яшу. Ведущий специалист отдела Соболев с гордостью открыл запираемый на ключ металлический шкаф и Куликов с Протасовым увидели специальный стеклянный плотно закрывающийся сосуд, наполненный прозрачной жидкостью, в которой плавал моллюск довольно крупных размеров. Он был красноватого цвета и просвечивался подобно медузе, но внешность Яши была ужасной. Его

выпученные глаза напоминали два шара с чёрными точками зрачков внутри, они горели синеватым сиянием, а рот был упичкан зубами. Моллюск открывал его периодически, что придавало ему вид чудовища в миниатюре.

– А почему у него зубы? – поинтересовался Протасов, – насколько мне известно, у головоногих моллюсков их не должно быть.

– Произошла ошибка при ускоренном выращивании, – с некоторой степенью вины ответил Соболев, – такое бывает даже в нормальных условиях при синтезе нуклеотидных последовательностей и встраивании их в геном, чтобы получить гибридные ДНК со свойствами, не существовавшими в природе. Мы надеемся исправить это в дальнейших стадиях изменений нашими методами генной инженерии.

– А почему выращивали именно моллюска? – поинтересовался Куликов.

– Мы пошли по пути эволюции жизни на Земле, – информировал за Соболева Ланин, – если вас обоих заинтересовала работа наших генетиков, предлагаю присесть, чтобы коллега Соболев ответил на ваши вопросы, как ведущий специалист отдела. Затем мы посмотрим сам ускоритель метаболизма кремниевых клеток.

– Всё просто, – возобновил начатый Ланиным ответ Соболев, когда все устроились на стульях, – в начале архейского периода в океанах Земли появились циан бактерии, кислородный фотосинтез которых привёл к оксигенации атмо-

сферы. Элементарные организмы активно использовали кислород в метаболизме, и это дало толчок изменениям формы жизни на планете, которая развивалась в океанах Земли. Эволюция головоногих моллюсков, позволила этим примитивным организмам покинуть воду и выходить на сушу. Это происходило в эдиакарском периоде, а после кембрийского взрыва на суше появились первые позвоночные животные. Мы решили следовать эволюционному алгоритму природы при выращивании силана.

– А почему сосуд, в котором вы держите моллюска, плотно закрывается специальными зажимами? – спросил Куликов, – с целью исключения контакта жидкости с воздухом?

– Нет, – отвечал Соболев, – я вкратце объясню необходимость такой меры предосторожности. Несмотря на то, что современная генетика обеспечила новые возможности с помощью индуцированных мутаций выключать и включать многие физиологические процессы, генная инженерия, как биотехнология, не застрахована от непредвиденных ошибок. Можно прерывать биосинтез белков в клетке, изменять морфогенез, останавливать развитие на определённой стадии, но спрогнозировать стопроцентно результат пока не представляется возможным. Да, мы можем не только расшифровывать геномы многих организмов, и конструировать живые существа с заданными параметрами, но кое-что для нас ещё остаётся загадкой.

Если вы смотрели американские фильмы ужасов, о слиз-

няках, вам легче будет понять, к каким страшным последствиям может привести неконтролируемые мутации. И то, что я сейчас скажу, ни в коей мере не относится к фантазиям и творческому вымыслу сценаристов. В основе этих фильмов лежат реальные события, когда американские учёные разрабатывали грозное биологическое оружие. Несколько особей в виде слизней нечаянно смыли в канализацию, и спустя пару месяцев наступил действительный ужас. Эти промежуточные результаты разработок, коими являлись слизи, мутировали и превратились в чреве канализации в ядовитых тварей. Они быстро размножились и действительно вылезали из раковин и унитазов, и умертвляли жителей. В городе ввели чрезвычайное положение, задействовали армию, чтобы уничтожить этих слизней....

– Вы хотите сказать, что если этот моллюск попадёт в канализацию, то может превратиться там, в опасную тварь? – удивился Куликов.

– Я же сказал, что генная инженерия не застрахована от непредвиденных ошибок, – подтвердил Соболев, – и лишняя мера безопасности не помешает! Именно поэтому лаборатория построена и действует далеко от Москвы. Наш объект имеет обособленную канализацию и в случае подобной непредвиденности быстро можно уничтожить всё, что там появится.

– А Вы согласны со стариком Дарвином, что человек произошёл от обезьяны? – неожиданно поинтересовался Прота-

сов.

– Я не смею этого утверждать! – уклонился от прямого ответа Соболев, – хотя сходство доказано не только генетикой. Я не пойму к чему Вы клоните?

– Хочу прояснить ситуацию, – ответил Протасов, – Вы из какого организма будете выращивать человека-силана? Выполняя алгоритм природы, из моллюска Яши получите организм следующей по сложности ступени и так далее по алгоритму. Но кто станет последней инстанцией перед получением человека?

– Я понял Ваш вопрос, доктор, – иронизировал Соболев, – не нужно мне, словно мальчику так подробно объяснять! ...Конечно, получать человека-силана мы намерены из примата. И для этого имеется достаточное количество научно обоснованных причин. Во-первых, факты сравнительной анатомии и физиологии показывают сходство человека с обезьянами. Например, в строении зубов, глаз, системы размножения, наличии уникальных половых циклов. Похожи узоры пальцев, ладони, стопы и даже облысение у обезьян сопоставимо с обычным типом у мужчин. Антиген резус-фактор найден и у человека, и у макаки с одноименным названием. Вы, как врач должны знать, кровь шимпанзе-Бонобо соответствующей группы можно переливать человеку. Нас роднят структуры гемоглобинов и значительное количество других белков.

Наглядны результаты исследования ДНК: у человека

и шимпанзе более девяноста процентов общих генов, сходных по первичной структуре. У человека и гиббона – около семидесяти шести. Поразительное сходство наблюдается в последовательности генетического алфавита, кодирующего различные белки. Другими словами, если взять «большую энциклопедию» ДНК, которая описывает организм человека, и изменить только одну специфическую букву из каждой ста, то получим копию обезьяны. И, наоборот, при изменении только одной специфической буквы в каждой сотне её алфавита получается человек....

– Достаточно! – также иронически прервал Соболева Протасов, – не нужно так подробно! Я всего лишь хотел прояснить, возможны здесь ошибки и существует ли вероятность ситуации, аналогичной с утечкой слизи в канализацию, как это было в США? Допустим, если промежуточный результат выращивания человека-силана, скажем, примат сбежит в лес? Он может мутировать с дикими животными и в частности с хищниками, которых в Завидово довольно-таки много?

– От этого никто не застрахован! – согласился Соболев.

– В таком случае, Завидово выбрано неудачно для деятельности лаборатории! – поддержал Протасова Куликов, – в подобных случаях можете получить кровожадного мутанта неизвестного доселе.....

– Всего предусмотреть невозможно! – отвечал Соболев, – и в природе тоже происходят мутации, скажем так, есте-

ственные самопроизвольные и аномальные. Поэтому я верю в существование мутантов и оборотней в частности! Летом по выходным ездил на рыбалку в сопровождении егеря Максима, слышал необъяснимый рёв неизвестно хищника, доносящийся со стороны болот. А егерь рассказывал о мистических появлениях там леших, несуществующих животных и даже отрядов средневековых татар-кочевников. Он с полной серьёзностью убеждал о наличии временного портала в месте, где когда-то для Ивана Грозного соорудили первый охотничий шалаш.

По его словам там бесследно исчезали люди. Я дал запрос командиру подразделения Национальной гвардии, с требованием подтвердить или опровергнуть все случаи исчезновения людей в истории заповедника Завидово. Подобные запросы, касающиеся безопасности, мы имеем право задавать, и служба охраны обязана официально на них ответить. Так вот, подтвердились все случаи исчезновения егерей, охотников и местных жителей, о которых рассказывал Максим! Я до сих пор не могу самому себе объяснить происхождение таинственного рыка неизвестного хищника. Очевидно, так не режут медведи, а тем паче волки, да и звук доносился издали, но слышался отчётливо.

Создавалось впечатление, будто зверь этот находится совсем рядом от места, где мы расположились на ночлег. Рык казался неестественным, и на самом деле доносящимся вроде бы из-за горизонта, где находятся труднопроходимые бо-

лота. Как можно так громко рычать, не через усилитель же звука? На мой вопрос, егерь вполголоса отвечал, что это рычит страшный оборотень. Такие места называют гиблыми в народе или иначе аномальными зонами. . . .

– Николай Трофимович! – прервал Соболева Ланин, – Вы опять взялись за свои сказки? Это к науке не относится, и если у Ильи Кузьмича и Анатолия Петровича нет к Вам больше вопросов, то я предложу следовать в отдел лаборатории, где мы можем познакомиться с работой ускорителя метаболизма кремниевых клеток!

– Напрасно Вы так, Павел Прокопьевич, – вполне серьёзно отреагировал на его слова Соболев, – я уже вскоре докажу Вам, что оборотни существуют!

Ланин поднялся, следом за ним Протасов и Куликов. Попрощавшись с Соболевым с пожеланиями успешной работы, все направились в отдел ускорителя, находящийся на первом этаже. Понимая, что Соболев ответит на вопрос лишь в отсутствие Ланина, Протасов задержался. Его явно заинтересовала информация о временном портале.

– Скажите, Николай Трофимович, Вы могли бы показать на карте место, где вы с егерем рыбачили? – спросил он генетика, – а лучше бы то, откуда, по-вашему, доносится рёв неизвестного хищника.

– Да, конечно! – согласился Соболев, – принесите мне карту, и покажу Вам эти места! А Вы верите в существование временных порталов?

– Не только верю, но даже испытывал на себе, – с улыбкой ответил Протасов, – правда, не я лично путешествовал во времени, а моё Сознание! Я не буду объяснять это слишком долго....

– Я верю Вам, коллега, – согласился Соболев, – наши ортодоксы в науке отрицают всё, что с этим связано. Я считаю, это просто ещё не доказано наукой, а потому кажется невозможным.

– Ланин относится к таким ортодоксам? – удивился Протасов, – ведь он руководитель программы спасения Разума Вселенной, которая предусматривает перенос в параллельные миры целой Вселенной. А это и есть путешествие во времени!

– Ланин не верит в оборотней, – сетовал Соболев, – поэтому он назвал моё допущение сказками.

– А Вы верите в них? – вопрошал Протасов.

– Я, как генетик понимаю, что это возможно при почти мгновенном изменении генома, – ответил Соболев, – а учитывая уже изобретённый и работающий в нашей лаборатории ускоритель, допускаю возможность существования природного механизма мгновенного изменения генома. Разница в том, что наш предназначен для кремниевых клеток, а не углеродных. Но если существует такая возможность в научных разработках, почему её не может быть в природе?

– Но ведь человек-оборотень превращается в хищника без какого-либо ускорителя, – возразил Протасов.

– Это, вероятно, происходит по команде и каких-то неизвестных свойств головного мозга, – предположил Соболев, – ускоритель находится у него в памяти, ведь никто не исследовал этот процесс по понятной причине....

Протасов поблагодарил Соболева и вышел в коридор, где его ждали Ланин с Куликовым. Павел Прокопьевич с иронией взглянул на Протасова, но ничего не сказав, продолжил экскурсию. Войдя в помещение, вновь принятые сотрудники с интересом озирались по сторонам, ища глазами установку. Здесь работали несколько человек, головы которых облачены в полиэтиленовые шапочки, а руки в ластиковые медицинские перчатки. Посреди комнаты огромных размеров виднелась метрового диаметра металлическая крышка, установленная на самом полу. Она была похожа на съёмный люк, по виду напоминающий крышку сковороды. Руководил отделом тоже академик по фамилии Тучин. Ускоритель – это его изобретение, патент на которое пока не был получен вследствие секретности, о чём сразу проинформировал Ланин.

– Гордость нашей лаборатории, академик Тучин! – представил его Ланин, – этот человек создал то, чего трудно себе даже представить!

– Будет вам, Павел Прокопьевич! – отмахнулся пожилой мужчина в очках.

– А где же этот ускоритель? – интересовался Куликов, указывая на люк из нержавеющей стали, – под землёй?

– Да! – ответил Ланин, – под этой крышкой находится

сердцевина из стержней, соединённых между собой, которая заряжается биоматериалом. Этот ускоритель, по сути, лазерный облучатель радиального воздействия. Сердцевина в процессе обработки опускается внутрь отсека, где находятся лазерные генераторы, расположенные ниже. При необходимости она вынимается с помощью небольшого тельфера, и сотрудники могут работать с ней в подвешенном виде. По подробностей, к сожалению, не могу рассказывать по условиям секретности изобретения академика Тучина.

– Нас собственно не интересует технология, – высказался Куликов, – хотелось бы пообщаться с вашими программами.

– Они у нас общие! – улыбнулся Ланин, – вы теперь сотрудники одного коллектива, не забывайте!

Отдел программистов находился на втором этаже, куда вскоре поднялись вслед за Ланиным. Академик представил руководителя отдела Паршина, средних лет мужчину, которых в народе называют ботаниками. Здесь работали и женщины разного возраста, каждый сидел за компьютером и выполнял свою часть работы. Куликов начал знакомство с того, что открыл свой дорогой портфель и достал ноутбук. Он вкратце объяснил, что в нем записана программа квантового компьютера и приложение, скачанное на диск перед смертью Седельниковым.

– Я хочу, коллеги, чтобы вы посмотрели мою программу и особенно приложение, – сходу предложил профессор, –

мне известно, что эта программа будет являться основной той, которую вы здесь разрабатываете! Кроме этого, мне очень хотелось бы получить объяснение, с какого носителя мог записать человек, которого уже нет в живых, дополнительное приложение?

– Почему Вы уверены, что Ваша программа является основополагающей? – удивился Паршин, – мы сейчас работаем над созданием программного продукта, который позволит выделять кластеры головного мозга человека, чтобы записать в них максимально возможный объём информации.

– Поверьте, вы в самом начале пути, – спокойно продолжил Куликов, – это малая часть моей программы, она уже разработана и опробована. Включите ноутбук и посмотрите сами!

Протасов не знал, что Куликов возьмёт с собой ноутбук, когда выезжали в Завидово, он даже не обратил внимания, что у профессора был с собой портфель. Илья Кузьмич привык видеть постоянно Анатолия Петровича с портфелем и машинально не обращал на это внимания. Как говорят в подобных случаях атрибут примелькался, однако доктор остался доволен предусмотрительностью Куликова. Предложение профессора моментально заинтриговало Ланина, Паршина и его коллег. Они все срочно прекратили работу и сбились у стола руководителя отдела, где он включил ноутбук и ждал, пока тот загрузится.

– Да-а, это то, что нам нужно! – удивлённо промолвил

Паршин, открыв программу, – но где Вы это взяли?

– Это мой компьютерщик разрабатывал с моим скромным участием, – с улыбкой ответил профессор, – я ведь не программист, но определял направления и необходимый конечный результат. Кроме дополнительного приложения, конечно....

– Спасибо Вам, Анатолий Петрович за сюрприз! – поблагодарил Ланин, – я намерен пригласить и Вашего программиста к нам на работу....

– Вы посмотрите внимательно, – не отставал от Паршина Куликов, – можете определить, как это приложение попало на жёсткий диск моего ноутбука? Это для меня сейчас самый первостепенный вопрос!

– Но на это нужно время, – ответил Паршин, – дайте нам коллективно позаниматься час. ... Хотя по времени файл приложения был записан неделю назад в два часа ночи. Вам это что-либо говорит?

– В ту ночь, – догадался Протасов, мысленно высчитывая дату, – мой пациент вышел из комы!

– Значит, всё сходится! – живо откликнулся Куликов, – он записал это перед тем, как отправить наше Сознание в будущее! Но с чего? У Георгия ведь не было никаких носителей с собой?

– Вы это о чём? – не понял смысла разговора Ланин.

– Это мы о своём! – отмахнулся Куликов, – будет время, расскажем Вам о том, во что трудно поверить!

Паршин подключил ноутбук к общей компьютерной сети отдела и молодой парень, сидевший за дальним столом, уже несколько минут изучал программу Куликова на машинном языке.

– Я понял с чего записано приложение! – закричал молодой программист, внимательно изучавший её синтаксис, – она записана была с разъёма параллельного порта ноутбука! Не знаю, почему, но проще было бы это сделать через USB!

– Но вместо обычного разъёма для параллельного порта, здесь установлен специальный, я такой вижу впервые! – возразил Паршин.

– Так это же для сеточки с датчиками, которая одевается на голову! – обрадованно вскрикнул Куликов, и, обращаясь к Протасову, добавил, – я всё понял, доктор! Это приложение хранилось в кластере головного мозга Седельникова. Поэтому он «пронёс» его через астрал! Когда ему понадобилось это приложение, он надел сеточку с датчиками и записал его на ноутбук.

– Разве такое возможно? – удивился Протасов.

– А почему нет? Вы же помните, как я через датчики управлял Вашим Сознанием, – весело ответил Куликов, – когда менял право налево! Мозг Седельникова мог иметь информационные кластеры, как у киборгов-силанов и в одном из них хранилось это приложение!

– Возможно, – согласился доктор, – в таком случае в приложении должны быть матрицы Сознаний всех киборгов-си-

ланов, иначе, как он подсеял им моё и твоё?

– Слышали все, господа программисты? – спросил Куликов, – тайна первоочередного моего вопроса разгадана. Теперь вам нужно поработать с приложением, чтобы чётко знать его интерфейс и то, о чём сейчас сказал мой дорогой друг! Поищите матрицы, которые должны храниться в базе данных этого приложения!

– Я уже вообще ничего не понимаю, – сетовал Ланин, – выходит, что программа, над созданием которой трудится отдел, уже существует?

– Да, – ответил Куликов, – но пусть сначала программисты разберут её по косточкам и продолжат усовершенствование. Я смотрю молодой человек, который помог быстро разобраться с ответом на мой первостепенный вопрос, перспективный программист....

В Москву возвращались в отличном настроении, несмотря на предстоящие хлопоты, связанные с переездом в Завидово. После экскурсии по лаборатории, Ланин показал новым сотрудникам квартиры, где они будут жить, которые очень понравились и Протасову и Куликову. Крупногабаритные комнаты были обставлены дорогой итальянской мебелью, имели высокие потолки, и ничего с собой не нужно было привозить. Входи и живи! Московские квартиры Ланин пообещал подключить к пульту межведомственной охраны и даже предварительно позвонил кому-то по телефону по этому вопросу.

– Анатолий Петрович, – мечтательно произнёс Протасов, – мне в голову пришла одна дерзкая мысль. Если программисты Паршина найдут матрицы Сознаний киборгов-силанов, дать им следующее задание: определить, где запрограммировано табу на возвращение киборгов через астрал на Землю?

– Поясни, я не совсем понял твою затею! – попросил профессор.

– Седельников когда-то говорил, что у силанов в программе действий есть такой запрет, – пояснил Протасов, – на возврат обратно на Землю. Я хочу предложить вариант Ланину: чтобы не выращивать силана, можно вернуть из будущего двух разнополых и воспроизводить с использованием ускорителя необходимую для программы популяцию.

– Мне нравится Ваша идея! – встрепенулся Куликов, – но как это реализовать?

– Нужно встретиться с Кондратием в XVI веке и проконсультироваться у него, – продолжал Протасов, – я верю в существование временного портала, о котором рассказывал сегодня Соболев. Через него можно попасть в средневековое Подмосковье!

– И что? – улыбнулся Куликов, – ножками топать на Дон? Автобусы в XVI веке не ходят, поездов и самолётов тоже не имеется. Кстати, Вы на лошади верхом можете скакать?

– Я предложил это, как вариант, – обиделся Протасов, – ну, если программисты Паршина не смогут разобраться

со снятием запрета в программе действий силанов на возврат их на Землю.

Оставшееся время ехали молча, каждый думал о чём-то своём, но обоих не покидало чувство тревоги. Похожее на лёгкую грусть о прошедшем, оно заставляло волноваться при мысли о новой работе в секретной программе Ланина. «Лексус» въезжал в Химки, поток автомобилей значительно уплотнился, что часто бывает из-за создавшейся впереди пробки. Скорость упала до сорока километров в час, и автомобиль медленно тащился за впереди идущими собратьями. Протасов вспомнил о вопросе Куликова и тут же представил себя верхом на скакуне. Он никогда не пробовал взобраться в седло, но в этот момент доктору казалось, что если бы такое случилось, он быстрее «Лексуса» добрался бы до дома.

Поход на Азов

Ранняя осень на Дону всегда прекрасная, переменчивая и яркая пора. Природа начинает меняться, будто чувствует приближение холодов и поэтому спешит идти в ногу со сменной времён года. Ещё тепло, но солнце уже не печёт, как летом, а меняющиеся цвета степи и берегов реки-батюшки радуют глаз и дурманят новыми запахами осени. Если выйти на высокий правый берег, то увидишь, как изменился цвет поймы. Пожелтевшие деревья и усохшая луговая трава придают ей вид давно созревшего перестоя. Где-то внизу, под крутым спуском растянулась на многие вёрсты широкая извилистая лента Дона, унося свои воды в Азовское море. Встречая восход солнца, можно видеть, как небо над поймой постепенно окрашивается от выглянувшего из-за горизонта светила в жёлто золотистый цвет. И только разбросанные небрежно высоко над головой перистые облака, чернеют на ещё темно-голубом фоне западной части неба.

Кондратий с Мирославой часто загуливались до утра. Вечерами они переправлялись на лодке с острова на противоположную сторону и вместе с Белояром и Анфисой веселились со станичной молодёжью. Когда далеко за полночь все расходились по домам, Кондратий с Мирославой отправлялись в степь на высокий правый берег реки. Здесь густо произрастал терновник, зрелая ягода, которого утоляла жажду

и немного вязала во рту. Княжна беспокоилась о безопасном возвращении отца в Москву. Она часто говорила об этом Кондратию, а парень успокаивал свою целомудренную жену, как мог. Он заверял, что казаки, сопровождающие князя от устья Воронежа до столицы Московии храбрые рубаки, отличные стрелки и чуткие товарищи. Струги, доставившие посольство Новосильцева к слиянию Воронежа с Доном давно уж вернулись, а казаки, сопровождающие его почтовым трактом через Рыльск до Москвы, вернутся не скоро. И только от них можно будет узнать, что и как происходило в том переходе.

Отношения между молодожёнами были по-прежнему целомудренными, и Кондратий даже не пытался нарушать своего обета. Он терпеливо будет ждать, когда они отправятся в Москву с доброй вестью царю Ивану о разгроме войска Давлета Гирея. Там обвенчаются в церкви, отгуляют свадьбу и тогда уж вступят в полноценные супружеские отношения. Мирослава не напоминала возлюбленному о грехе, за который придётся отвечать перед Богом, если вступить до венчания в связь, но уже позволяла Кондратию обнимать себя более эротично и даже прикасаться к своей груди. Её девичье естество заставляло вздрагивать всем телом, когда он позволял себе это, но испытываемое ею удовольствие и уверенность в неприкосновенности своей непорочности, делали её смелой. Она с наслаждением подставляла ему губы и шептала самые нежные слова, приходившие девушке на ум. Кондра-

тий тоже наслаждался ощущением её тела и, получая взаимное удовольствие, сдерживал себя изо всех сил. Так незаметно для влюблённых пролетело лето, и ночи ранней осени становились всё прохладнее.

Близилось время сбора в Раздорах казачьего войска для запланированного похода на Азов. Обычно казачьи сотни из других юртов, хуторов и станиц предварительно располагались на высоком берегу Дона, где начинался спуск к острову Поречный и станице Раздорской. Прибывали казаки в боевом снаряжении при оружии, с повозками обоза, на которых везли запас продуктов питания, пороха, пуль и шатры для лагеря, у некоторых имелись небольшие пушки. Их тоже грузили на обозные телеги, а деревянные лафеты под их стволы разбирали на время похода. Всё укладывалось компактно, дабы экономить место и не брать лишние повозки с собой.

Походные припасы казаков обычно состоят из сухарей, варёного пшена и жидкого теста, которое хранят в длинных бочках. Смешивая пшено и тесто, получают саламаху – лакомство, кисловатого вкуса. Дополняли походное меню сушёной или вяленой рыбой, солониной водоплавающей птицы, зайчатины, мяса диких кабанов и даже свиным салом. Какие-либо крепкие напитки были полностью исключены, строжайшее соблюдение трезвости в походе – закон. На Дону казаки ещё не занимались земледелием, но зерно и просо всегда было в достатке. Добывалось оно разбойными напа-

дениями на торговые судна купцов в Азовском и Чёрном морях. По прибытию на крутой берег Дона сотники, оставляли там своих казаков и следовали в городок Раздоры на остров Поречный к атаману Черкашенину. Местные казаки постоянно дежурили у берега на лодках, чтобы прибывающих сотников без задержки переправлять через рукав Дона.

Сбор длился неделю, поэтому казаки, прибывающие раньше других, устраивали в степи соревнования, которые считались учениями перед маршем. Это были в основном скачки и джигитовка – езда верхом на лошади, во время которой казак выполнял различные акробатические трюки. Она считалась высшей степенью боевого искусства конника, а виртуозное владения его приёмами давало казаку огромное превосходство над противником в сражении. Джигитовка была двух видов: боевая и вольная. Первому обучали всех казаков в обязательном порядке, с оружием и походным выюком. Это: стрельба из положения, сидя на коне, рубка шашкой чулел, подхват предметов с земли на ходу. Обязательно тренировали соскакивание и возвращение обратно в седло на коня, скачущего в галоп, а также умение производить подбор и эвакуацию раненого с поля боя.

Вольная джигитовка выполнялась без выюков. Она включала: упражнения с пикой, скачку на двух конях стоя одновременно на обоих. Пересаживание со своей лошади на другую на полном скаку. Казак должен был уметь резко остановить и положить коня на землю с галопа. Он мог скакать стоя

на седле, а также свешиваться вниз головой, переворачиваться на ходу лицом назад и продолжать скачку задом наперёд. При этом из такой позы он должен уметь отстреливаться от наступающих его противников и даже рубить шашкой. Акробатические упражнения включали в себя рассёдлывание коня на скаку, имитацию смерти, свешиваясь «обмякшим» телом вправо, влево, назад, умение пролезть под брюхом или грудью лошади и вернуться с другой стороны в седло. Многие упражнения должны были выполняться в групповой скачке, что позволяло получить навык коллективного боя.

Были в джигитовке очень интересные обманки, такие, как обрыв – имитация смерти коня и всадника. На полном скаку, лошадь падала, будто подкошенная пулей вместе с казаком и оставалась лежать до его команды. Вражеские войска были ошеломлены, когда «мёртвые» лошади вдруг вставали в нужный момент и «ожившие» казаки начинали наступать с тыла, наводя ужас на противника. Такой эффект неожиданности являлся большим преимуществом в бою казачьих сотен. Дрались казаки не на жизнь, а на смерть, только серьёзное ранение могло вывести из боя разъярённого до одури рубаку. Если сотник не давал команду на отход по тактическим причинам, то никто не мог оставить товарищей и выйти из боя. За трусость на Кругу жестоко наказывали плетью, привязывая к позорному столбу, чтобы видел, как, проходя мимо, отворачиваются от него станичники.

Прибывающих в городок сотников радушно встречал атаман Черкашенин, приветствовал каждого с уважением. Их кормили за общим столом и размещали на ночлег в гостевых куренях. Когда собиралась половина от их общего числа, атаман с войсковым старшиной Пантелеем на майдане проводили им теоретические занятия, заодно экзаменуя по приёмам ведения сечи. Когда всё войско было уже в сборе, он ставил каждой сотне конкретные боевые задачи, где находится, когда вступать в схватку, что делать в непредвиденных ситуациях и даже какую походную песню запевать, отправляясь из Раздор. Особо уточняли все сигналы, которыми казачьи сотни обменивались в бою – залп из пушки, пищалей, групповое одновременное поднятие пик вверх острием и другие. Это была своеобразная выучка, без которой не обходился ни один поход.

В то время, когда крепостное крестьянство России было поголовно безграмотным, разносторонние знания донских казаков не уступали уровню Европы. Военные занятия требовали от них и знаний, и смекалки, и практических навыков. Донцы были мастерами в добывании селитры для взрывчатки, умели точно рассчитывать, куда вывести подкоп под стеной крепости. В морских походах умели отлично ориентироваться по звёздам. Часто находясь в крупных сражениях, они обладали обширными практическими знаниями географии, хорошо ориентируясь на суше. Многие умели писать и читать. Обучали этому донских казаков, свои учите-

ля по книгам в большинстве своём, рукописным. В Раздорах таким гуру был войсковой старшина Пантелей, которого все уважали не менее, чем атамана.

После отплытия из Раздор князя Новосильцева, Кондратий и Мирослава тоже начали учить молодых казаков грамоте. Они собирали их по вечерам прямо на майдане и, соорудив нечто наподобие классной доски, с усердием обучали чтению и письму. На их уроки приходили и взрослые казаки, и даже Пантелей, который понял, что Кондратий обрёл дар Божий и после встречи с ведьмой, «прозрел» обширными знаниями. Атаман тоже так считал, что сыну его новые способности «свалились с неба прям у голову, когда углядел ведьму на струге». Но многое, о чём рассказывал Кондратий, никто не понимал даже образованные московские дворяне Мирослава и Белояр. Атаманский сын как будто забывался, когда начинал рассказывать о химии, физике и устройстве неведомых машин.

Когда начали прибывать сотники, Черкашенин искренне радовался, их собралась уже примерная половина от ожидаемой численности войска и насчитывала порядка сорока человек. А это означало, что вся конница для похода на Азов будет более семи тысяч шашек. Как обычно атаман собрал сотников на учёбу, но к их удивлению дал первое слово Кондратию. У многих прибывших издалека сотников от неожиданности открылись рты, Кондратий «разучилси гутарить по-казацки». Он произносил речь с акцентом, подобным го-

вору купцов Московии, рассказывая стратегию и тактику ведения боя Александром Македонским. Многие термины казаки не понимали и поэтому часто переспрашивали их значение.

– Братья казаки, вы знаете, кто был Александр Македонский? – неожиданно спросил Кондратий.

– Да хто знить, – послышался дружный ответ, – но песнь про яго спеваем походною!

– Какую? – искренне удивился Кондратий, не ожидавший такого ответа.

– Щаго ты дурня-то валяишь? – смеялись сотники, хорошо знавшие Кондратия, – сколько разов сам её запевал! ...«У Вавилоне было у славном городи», ...али ни памятуишь?

– Это я проверял вас, – сконфузился Кондратий, не любивший эту песню, – отправимся на марш, с другой! Батя мой, атаман сам запевать будет! Согласны, братья, казаки?

– Любо, Кондрашка! – прогорланили сотники, – но ты шаго нам тут про песни-то гутаришь?

– Ет ён перед московиткой княжною харахоритси, – загоготали раздорские сотники, – жанитись жанилси, а спить-то отдельна!

– А ну цыц, болтухаи! – прикрикнул на раздорских сотник Фрол Бакланов, – негожа нос сувати, куды заяц хвост-обрубок свой не суёт....

Черкашенин смутился от подковырок в адрес сына, ему

было стыдно, что Кондратий женился, но невестка ещё ходит в девках. Сделав строгий вид, Михаил поднял вверх руку, это означало, что атаман будет говорить.

– Братья казаки! – прокричал атаман, – мой сын Кондрашка, уже показал себя, как стратег и пусть ён гутарить сейчас про то, шаго удумал про осаду Азова и разгрому войска Давлета. А пасля я и Пантелей, как обычно поспрашаем каждого из вас, шаго знайти у воинском скусстве?

– Любо, нихай гутарит Кондрашка! – кричали сотники.

– Для тех, кто не участвовал в принятии решения Кругом в начале лета, – приступил к изложению стратегии Кондратий, – я расскажу сначала о том, что задумал крымский хан Давлет Гирей! Он собирается идти походом на Москву и сжечь её, и в этом хану помогает турецкий султан и враги наших запорожцев-братьев, – ляхи. В крепость Азов доставлен приказ султана, чтобы беспрепятственно пропустить высаживающееся там крымское войско. И не только оказать содействие, но и приютить на время полного формирования всего войска Первая часть совсем скоро приплывёт по Чёрному и Азовскому морю. Они планируют собрать там сорок тысяч сабель и, обойдя Дикое поле по территории Речи Посполитой, сразу выйти к южным засекам Московии. Как вы знаете, Всевеликое Войско Донское приняло дары Московского царя Ивана и заключило с ним союз.

Наша главная цель похода – не допустить формирования в окрестностях Азова крымского войска и как только пер-

вая часть начнёт высаживаться на берег, разбить её наголову. Нам нужно захватить все галеры, на которых приплывут крымчане. Лишившись флота, Давлет Гирей откажется от своего похода на Москву, а мы выбьем турок из крепости Азов и оставим там свой гарнизон. Русские купцы беспрепятственно смогут выходить в Азовское море и дальше в Чёрное, да и нашим заморским «походам за зипунами» на басурманов тоже никто не будет мешать. Вот такая цель, товарищи мои, казаки!

– Так ить можна сходу узять Азов, – слышался голос сотника Варлама, – щаго ждати крымчан, покель они приплывут? Нас таперича стольки, што любуя крепость можна за трое дён узять!

– Можно! – согласился Кондратий, – но мы этого делать не станем! Первая часть ханского войска будет равна примерно по численности нашим сотням. Поэтому, даже по всем благоприятным раскладам, придётся вступить с ним в большое сражение. К тому же захватив галеры крымчан, мы увеличим количество пушек для штурма крепости. А если мы первоначально возьмём Азов, её стены нам не помогут в предстоящем сражении с войском Давлета. Ну, что мы будем прятаться за ними? Разместим там всего пять-семь сотен, а остальные как? Галеры не станут палить из пушек по сражению на берегу, иначе положат своих в первую очередь. А вот по стенам крепости обязательно откроет огонь. Да и у нас силёнок будет гораздо больше, если не расходо-

вать их на взятие Азова с ходу.

– Турки тожа не стануть сидеть у крепости искрестив руки, – не унимался Варлам, – нащнуть палить по нам со стен....

– Ты Варлам бряши, да не дужа забрѣхивайси, – осадил его атаман, – табе гутарют, што палить из пушек по нам, смешавшимися с крымчанами только дурак могѣть, а из пищалей нихай пробують, хрен у их щаго выйдить. Ты сам-то пыталси когда нить стрельнуть с такого далека, да ишшо по двигающимся басурманам?

Варлам понял свою ошибку и замолчал, а Кондратий продолжил излагать стратегию похода. Он объяснил, что флотилия казачьих стругов отправится вниз по течению одновременно с конницей и предупредил, чтобы это движение было изначально синхронным.

– По берегу шагом или рысью идут сотни, – объяснял Кондратий, – а по Дону струги на вѣслах. Конница будет по необходимости регулировать скорость своего движения, чтобы не опережать и не отставать от флотилии. Не доезжая до острова, где Дон делает крутой поворот и открывается вид на крепость Азов, необходимо остановиться, чтобы с её стен туркам был невиден наш подход. Это нужно для того, чтобы выманить галеру, охраняющую Азов с моря и Дона за остров, где спрячется вся наша флотилия. В противном случае галера откроет пальбу из пушек и повредит хотя бы один из наших стругов. Их нужно беречь, как зеница око, ведь на море

предстоит сражаться с превосходящим числом крымских галер. Отбив турецкое судно, флотилия поплывёт к устью Дона, а конница двинется тремя, примерно равными группами, и дислоцируется с трёх сторон – от Дона, Азовского моря и степи на расстоянии, превышающем дальность стрельбы.

– Кондрашка, а шаго нам бояться, што нас углядят турки, – уточнил войсковой старшина Пантелей, – мы раньше вечера не смогём дойти до Азова, а по темкам хто нас узреть?

– Надо рано утром отправляться в поход, – возразил Кондратий, – с таким расчётом, чтобы до наступления темноты выманить за остров турецкую галеру. Нам нужно взять её не повредив, она пригодится нам в бою на море. Наша флотилия разделится на две части, командовать первой атаман назначил меня, а второй княжича Московии Белояра. Мои струги займут позицию в устье Дона, а вторая часть Белояра обойдёт Азов по морю и станет на якорь у берега с другой стороны. Там есть мыс, за которым она может спрятаться. Как только крымчане начнут высадку на берег, мы атакуем их с трёх сторон на суше и с двух на море. Галеры непременно откроют по нашим стругам пальбу из пушек, поэтому морской бой будет самым тяжёлым для нас в предстоящем сражении. По моим подсчётам у крымских галер, которые больше наших стругов по водоизмещению, и пушек в полтора раза больше.

– Кондрашка, итить тваю матрю, турецкаю, – возмутил-

ся Черкашенин, – ты шаго ет гутаришь по-непонятнаму? Какая-токая водосмещеня?

– Водоизмещение, батя, – повторил Кондратий, – иначе говоря, размер судна....

– Так и гутарь, – сердился атаман, – штоба усе вразумели тваю речу!

– Чтобы держать связь флотилии во время похода, и после него, – продолжил Кондратий, – при мне постоянно будет находиться молодой казак Савка, а при Белояре – Ерошка. В случае непредвиденных ситуаций, мы будем высаживать их на шлюпки и отправлять к атаману, чтобы согласовывать наши действия. Эти молодые совсем казачата постоянно будут находиться при нас и в сражении не участвуют. Они ещё плохо обучены, им до двадцати пару лет не хватает, но оба настойчиво просили атамана взять их в поход.

И ещё хочу напомнить, что сражаться придётся с пешими крымчанами, поскольку лошадей они, скорее всего, намерены доставить к Азову отдельным рейсом в последнюю очередь. Это даёт большое преимущество при нанесении первого удара, но главный недостаток в том, что коннице нужен простор для манёвра, а его не будет. После начала боя всё равно придётся спешиться, увязнув в горах тел убитых. Необходимо, как можно дольше оставаться в сёдлах, потому что пеший казак слабее верхового. Лошадей нужно беречь, наши дрессированные кони сами быстро покинут поле боя, убегая на степной простор. ...Я вроде всё рассказал!

Сотники внимательно слушали Кондратия, прибывшие из дальних хуторов и станиц, кто мало знал его, были уже осведомлены раздорскими о «дюжих способностях» атаманского сына. После Кондратия выступил Черкашенин, он назначил командовать двумя сотенными группировками Варлама Кружилина из станицы Голубинской и Фрола Бакланова из Раздор. Третьей Черкашенин решил командовать сам. После атамана слово взял войсковой старшина Пантелей и зачитал составленный им совместно с атаманом список трёх сотенных группировок. Он выкрикивал фамилии сотников входящих в первую из них, дислоцирующуюся от Дона, вторую от мыса Азовского моря и центральную от степи под командованием атамана. Черкашенин и Пантелей приступили к экзаменовке сотников по тактике ведения верхового сражения, называемого казаками сечью.

Белояр подошёл к Кондратию и обнял его, поблагодарив за доверие, он впервые будет командовать флотилией. Молодой княжич сиял весь от радости и уверял, что оправдает это доверие, не щадя жизни. Кондратий посоветовал благодарить не его, а сотника Бакланова, это он рекомендовал атаману кандидатуру Белояра и поручился, что княжич не подведёт. Фрол уже видел его в сражении и убедился в способностях и отваге молодого дворянина из Московии. К тому же невеста Белояра Анфиса была родственницей супруги Фрола, и он надеялся, что парень женится на ней по возвращению из похода. Тогда Баклановы станут родственниками

московских князей, что, несомненно, придаст важности их семейству.

Экзаменовка сотников показала высокую боевую подготовку Войска Донского. Атаман остался доволен товарищами, каждый из которых являлся таким же, как и Черкашенин выбранным атаманом в своём юрте, хуторе или станице. Коллективно проштудировали сигналы, необходимые в сражении и все вместе отправились на противоположный берег посмотреть итоговые соревнования по джигитовке. Казаки показывали чудеса в конной акробатике, и не случайно донцам с таким обученным войском удавалось одерживать победы с многократно превосходящими силами врага. На следующий день атаман объявил об отдыхе перед выступлением в поход. Вечером каждый должен был пораньше лечь спать, чтобы за несколько часов до восхода солнца выступить на марш.

Вечером Кондратий пришёл к куреню, в котором проживала Мирослава. Он гнал от себя мысли, что он может, не вернуться из этого похода и видит любимую последний раз. Чтобы не давать повода для сплетен бабам и девчатам, живущим в городке, Кондратий никогда не входил в курень княжны и, постучав в дверь, ждал, когда она сама выйдет к нему. Приставленная к княжне в качестве прислуги молодая девка Лукерья всегда выбегала первой, чтобы убедиться, что это пришёл Кондратий. Затем она молча шныряла обратно и спустя минуту-две выходила Мирослава. Судя по тому,

что девушка уже была одета для прогулки, Кондратий твёрдо знал, что она с нетерпением ждала его.

Но в этот вечер он пришёл рано, было ещё светло, и Мирослава не ожидала его раннего прихода. Кондратий договорился с Белояром не гулять, как обычно в станице, чтобы было больше времени попрощаться с любимыми девушками, ведь рано утром предстоял многокилометровый марш флотилии. Когда княжна собралась на свидание и вышла, Кондратий предложил ей провести время под раскидистой «ивушкой-вдовой». Это было одним из их любимых мест, находящимся в стороне от станицы на берегу Дона. Там они чувствовали магический дух верности, витающий под ивой и лежащим у её комля сухим стволом погибшего дерева-мужа. Переправившись на лодке на противоположную сторону, влюблённые пришли к «вдовушке», чтобы ещё раз пропитаться её духом верности и любви.

Здесь вдалеке от людских глаз можно было целоваться даже днём. Мирослава с тревогой смотрела в глаза Кондратия, она ждала, он скажет, что непременно вернётся живым из похода. Но парень умышленно заговаривал время, рассказывая о смотровой джигитовке, которую продемонстрировали сегодня атаману лучшие наездники Войска Донского.

– Милый мой Кондратушка, витязь непобедимый, – прервала его Мирослава, – я очень переживаю за тебя! Как там всё сложится в вашем походе, у меня душа стонет, я боюсь, что басурманы ранят тебя, любимый мой... Возьми меня

с собой! Я буду помогать тебе во всем, даже подавать порох и пули, ядра могу носить к пушкам. . . .

Кондратий, молча и крепко прижал к себе девушку и, улыбнувшись, начал жарко целовать её губы, шею и грудь. Он тихо молвил девушке самые ласковые слова, какие мог знать и уверял любимую, что его не берёт ни пуля, ни турецкий ятаган. Руки Кондратия опускались всё ниже и вот они уже коснулись самого запретного места целомудренной Мирославы, кровь ударила парню в голову, а княжна даже не пыталась ему мешать. Она тихонько стонала от переполнявших её чувств и была совсем не против близости, того неведомого для каждой девушки ощущения части любимого внутри себя.

А Кондратию показалось на время, как он оторвался от реальности и будто парит в чудесном мире неземного удовольствия. Его разум отключился, руки сами по себе скользили по прекрасным девичьим бёдрам, ягодицам, груди. Мирослава дрожала всем телом, и это возбуждало парня ещё больше. Он всё чаще возвращал руку в то место, которое дурманит мужской мозг воображением, инстинктивно изучал его ощупью, нежно лаская и не отрываясь от затяжного поцелуя. И ему и ей в эти минуты мир казался второстепенным приложением их любви и стремления обладать друг другом, желанию слиться воедино. Но внезапно Кондратию пришло понимание о данном им обещании, и необходимости строго его выполнения.

– Не сейчас, любимая, – прошептал он, – вернись из похода, поедим в Московию и когда обвенчаемся в церкви, станем мужем и женой. Я ведь обещал твоему отцу, что до этого не нарушу твоего целомудрия!

– Милый мой, любимый витязь, – отвечала Мирослава шёпотом, – я вся в твоей власти и подчинюсь тебе, решай сам, мой князь, мне так хорошо с тобой, что я совсем не своя!

...Рано утром, за несколько часов до восхода солнца, Кондратий явился на пристань, где его уже ждали казаки и Белояр. Княжич не спал всю ночь, волнуясь о предстоящем сражении, поэтому пришёл на пирс одним из первых. Всё было оговорено заранее, распределено на две части флотилии, каждый казак-матрос знал своё место и обязанности до мелочей, ждали приказ на отплытие. Флагманским стругом Кондратия было то самое судно, на котором он вёз князя Новосильцева в Раздоры. Сигналом началу марша по правому берегу Дона конницы распределённой на три группировки условились считать коллективный залп из пищалей, который дадут со стругов. Кондратий стал рядом со штурвалом главного струга своей части флотилии, и скомандовал залп. Он прозвучал, как единый выстрел, так синхронно пальнули из двадцати пищалей. Войско Донское вышло на марш.

Ночь выдалась лунной, лёгкий, но уже прохладный ветер дул в лицо и напоминал о наступлении осени. Струги выстроились попарно по течению Дона, справа шла часть

флотилии Кондратия, слева – Белояра. Зажжённые на носу и корме фонари, были ориентирами для штурвальных и хорошо обозначали на воде всю флотилию. Её отлично было видно с берега, и Черкашенин соблюдая условность, временами посматривал на реку. Издалека флотилия была похожа на стаю диких гусей, плывущих в тихую заводь. Спустя четверть часа после отправления конницы атаман лично затянул походную песню. Вскоре она уже разливалась над просыпающимся Доном тысячами мужских голосов. Казаки верили в приметы и считали, что это приносит успех в сражении:

Пролягала ёна шлях-дорошка,
Пролягала ёна усё широка,
Во Турецку землю,
Во Турецку землю.
Как по ентай было по дорошке,
Как по ентай было по широкай.
Стоял бел шатёрик,
Стоял бел шатёрик....

В походе казаки терпеливы, выносливы и неприхотливы, они способны совершать марш-броски до пятидесяти вёрст за день без единого привала. Если требовала обстановка могли на ходу скудно перекусить, очень мало спали, оставались всегда на чеку, были постоянно готовы броситься в атаку на врага. А ещё казак крепок своей вековой, неизменной

дружбой с конём и сильнее её на всем свете не бывает. Он может не один день пролежать вместе с лошадыю в кустах, в камышах, не скучая, не теряя бодрости, и зорко следить за врагом. Но и без коня казак скор и подвижен, как выюн, гибок, подобно молодому стеблю или прибрежному тростнику. Взгляд у каждого смелый, открытый и в то же время приветливый с доброй усмешкой.

Черкашенин не спешил с привалом. Первый отдых должен быть у острова, где потопили турецкую галеру, когда брали в плен Серхат-бея. Струги флотилии во время привала должны были опередить конницу, с целью немного раньше прибыть к исходной позиции перед поворотом Дона к Азову. Время пока подойдёт конница, Кондратий намеревался использовать для захвата турецкой галеры, выманив её из устья Дона. Казаки-матросы стругов тоже должны победать во время привала конницы, дрейфуя по течению без вёсельной тяги. Быстро управившись с едой, команда каждого струга снова налегла на вёсла. Кондратий стоял рядом со штурвальным и своим трёхмерным зрением просматривал окрестности сверху. Конница после привала продолжила свой марш, а на подходе стругов к острову, за которым Дон резко поворачивал к Азову, Кондратий увидел в море напротив крепости ...каравеллу. Турецкая галера стояла на якоре ближе по реке, и выманивать её теперь было опасно. Кондратий командовал стоп флотилии с постановкой на якорь, нужно было менять ранее разработанный план захвата.

Атаманский сын никак не ожидал увидеть у Азова европейский корабль. Сознание Седельникова хорошо осведомлено обо всех видах военных кораблей XVI века, а казаки такое судно никогда вообще не видели. Каравелла была намного больше казацких стругов, превосходило по водоизмещению и турецкие галеры. На вооружении каравеллы, Кондратий насчитал тридцать пушек, судя по количеству отверстий в бортах, по пятнадцать с каждой стороны. Такая артиллерия представлял серьёзную угрозу. Корабль невозможно взять конницей, это было бы просто глупо атаковать корабль с берега. Победить можно было только на воде, а как это сделать, не потеряв ни единого струга, нужно было придумать. Но где турки взяли каравеллу? Немного подумав, Кондратию дошло, что испанский корабль мог быть захвачен турками в Средиземном море и именно этот корабль, вероятнее всего, доставил в крепость дочь Серхат-бея.

Идея пришла быстро, нужно было только согласовать новый план с отцом-атаманом и Белояром. Никто ещё не понял, почему Кондратий дал сигнал: «Всем стоп на якорь! Ничего не предпринимать!» Струги спешно выполнили команду, но перекрикиваться между собой, чтобы узнать, в чём дело, было запрещено в целях конспирации. И хотя до крепости было ещё далеко, крики могли услышать замаскированные где-нибудь рядом караульные турок. Кроме Кондратия никто не мог видеть, что охрана Азова с моря и Дона усилена испанской каравеллой. Он немедленно приказал Савке,

молодому пареньку, взятому с собой для связи, отправляться на шлюпке на берег, а причалив к нему быстро бежать навстречу коннице. Нужно передать атаману о непредвиденном осложнении ситуации. Для этого Черкашенин должен был остановить марш конницы как можно дальше от острова и срочно приплыть с Савкой на шлюпке на струг Кондратия. Спустя некоторое время к борту струга причалил посыльный от Белояра, Ерошка.

– Дядь Кондрат, – спрашивал казачонок из шлюпки, – княжич хотить узнать, щаго слущилася?

– Передай Белояру, чтобы сам быстро приплыл ко мне на струг, – распорядился Кондратий.

Прошло ещё четверть часа, прежде чем взволнованный Белояр появился на струге Кондратия. Получив ответ на свой вопрос, он долго молчал, соображая, что такое каравелла? Ему трудно было осмыслить определение «корабль намного больший, чем самая крупная турецкая галера».

– И что теперь? – спросил Белояр рассерженно, – нужно брать и эту каравеллу на абордаж!

– Не спеши, брат! – осадил его Кондратий, – сейчас прибудет сюда мой батя, и всё решим без лишнего риска. У этой испанки тридцать пушек на вооружении....

Солнце клонилось к закату, разработанный ранее план, явно срывался. Безвозвратно минул тот час, за который можно было бы заманить галеру турок в ловушку до наступления темноты и, окружив её за островом плотным кольцом

принудить сдаться без боя. Турецкие моряки опытные бойцы и артиллеристы, но не самоубийцы, увидев, что погнавшись за маленьким стругом казаков, угодили в окружение двух десятков крупных, они бы не стали биться насмерть. Такое уже не раз бывало во время их попыток взять в порабощение казацкие хутора и станицы, расположенные на берегах Дона.

Прошёл ещё час, а Черкашенина всё не было, значит, конница намного отстала от флотилии, и это радовало Кондратия. На небе всходила луна, и турки со стен крепости могли обнаружить многочисленную конницу на подходе к острову. Но ещё не был слышен конский топот, значит, атаман остановил марш далеко от острова. С другой стороны нужно было спешить, пока луна не взошла слишком высоко и не помешала бледным светом предстоящему захвату каравеллы и галеры турок. Затягивающие небо облака успокаивали Кондратия, они служили хорошей ширмой для ночного светила, и можно было оставаться незамеченными длительное время. Наконец на берегу появился Черкашенин с Савкой, стараясь не шуметь, они тихо причалили к борту струга Кондратия.

– Кондрашка, ети тваю матрю татарскую, – злобно пробурчал атаман, взбираясь на палубу, – ты хошь и стратег, но приказывати мане, атаману, енто ужо щерез край! Надоть самому ко мне прибыть....

– Не ругайся, батя, – успокоил его Кондратий, – я не могу бросить флотилию, мне нужно наблюдать за крепостью

и Доном. Этого делать кроме меня никто не может! А у тебя там войскового старшину Пантелея за атамана можно оставить....

– Ну, будя мане ерундище гутарить, – прервал Черкашин сына, – щаго кликал?

– Где ты конницу остановил? – поинтересовался Кондратий.

– У вёрстах трёх отсель, – выпалил атаман, – а щаго?

Кондратий, не спеша, членораздельно рассказал атаману причину остановки флотилии и необходимости изменения плана.

– Ты енто узрел сваим всевидящим оком? – спросил атаман, – не ошибси, сын?

– Батя, сколько мне можно доказывать свой дар Божий? – возмутился Кондратий.

– А щаго ента твая коравелла нам сделать? – горячился атаман, – нихай пальнёть из пушек, хрен вона нас доставить....

– Если турки засекут приближение нашего войска, они приготовятся встречать наше нападение, – возмущался Кондратий, – тогда придётся штурмовать её и галеру стругами. Мы можем потерять половину их, а нам нужно сохранить каждый для предстоящей схватки с крымскими галерами. Ведь наша главная цель не крепость взять, а разбить войска Давлета....

– Ну, будя мане обущати, – возмущался атаман, – гутарь,

шаго удумал?

– Мы сейчас с Белояром оставим на стругах по два человека, – начал излагать Кондратий, – а остальные высадятся на берег. Кроме шашек забираем с собой все имеющиеся на стругах кошки для абордажа и верёвки к ним. Ты, батя, возвращаешься к коннице и отбираешь сотни две казаков, прошедших морские сражения. Они по берегу приходят к нам, и мы все вместе отправляемся на захват галеры и самое главное – каравеллы. Через пару часов луна зайдёт за облака и к этому времени мы все должны собраться здесь на берегу.

Вплавь добираемся до галеры и одновременно до каравеллы и, забросив кошки, по верёвкам взбираемся на борта и захватываем оба судна. У нас главное преимущество – неожиданность, турки не ждут нападения и нужно сохранять осторожность, чтобы не обнаружить себя. Вода уже холодная, но захватить два таких корабля малыми потерями стоит этого купания. Вот такой у меня план. Мы с Белояром распределим казаков так, чтобы большая часть штурмовала каравеллу, а остальные галеру. Я поведу первую группу, Белояр – вторую! Уж очень мне захотелось устроить туркам сюрприз на испанской каравелле. Пусть знают, басурманы, казакам всё едино, галера или каравелла. Я уверен, когда турки в крепости поймут, что мы захватываем их корабли, они обязательно предпримут попытку спасти их. И на галеру и на каравеллу отправят десант на лодках и вот тут наша

конница должна отсечь им путь между берегом и крепостью и уничтожить десант. Если не успеют закрыть ворота, то мы сможем малыми потерями взять и крепость....

Белояр внимательно слушавший Кондратия восхищался его умением находить правильные решения в непредвиденных ситуациях. Лицо княжича светилось гордостью за мужа своей сестры. Следом за атаманом он спешно покинул струг Кондратия, чтобы его половина флотилии незамедлительно приступила к высадке на берег. Взошедшая ещё выше по небу луна способствовала подготовке, вскоре на берегу сформировали две команды из казаков-матросов и с беспокойством ждали группу, отправленную атаманом. Ещё неслышно было лошадиного топота, а Кондратий, наблюдавший за берегом трёхмерным зрением сверху, объявил всем, что конница скоро будет на месте. Показались всадники, они шли галопом по берегу Дона без криков и гиканья, которыми обычно сопровождали атаку. Их численность немного превышала две сотни, «лишние казаки» должны были остаться с лошадьми на берегу.

Спешившихся казаков быстро распределили по двум командам штурмовиков. Как только луна спряталась за облаками, обе группы молча, соблюдая предельно тишину, отправились по берегу в сторону крепости. Было что-то мистическое в этом молчаливом походе, каждый сосредоточенно смотрел себе под ноги и если даже спотыкался, то не сопровождал это, как обычно, ругательством. Столкнувшись

с такой организованной численностью «молчунов», марширующих по берегу ночью, можно было испугаться любому храбрецу. Казаки, словно тени шли к своей цели, не создавая шума, чему тоже были тренированы и не раз применяли «тихую» переброску своих сотен в сражениях. Исчезая в одном месте и внезапно появляясь, где их не ждали, они такими манёврами вводили в полное заблуждение противника, чтобы начав атаку, обратить его в бегство.

Достигнув места, с которого необходимо начинать заплыв на штурм галеры, группа Белояра остановилась, остальные шли дальше. Пускаться вплавь к обоим кораблям нужно было одновременно, поэтому сигналом начала заплыва должен быть крик большой выпи. Эта птица в брачное время издаёт характерный звук, напоминающий короткое басовитое мычание быка. В тихую погоду его слышно за два-четыре километра. В нём можно различить два типа: негромкое, высокое тоном «и» или «ы», звучащее два-три раза подряд, и вслед за этим сразу основной – громкий мычащий, или бухающий звук. Получается что-то вроде «ы-б-у-у-м-м-м» от трёх до восьми раз подряд. Слышать «пение» большой выпи можно главным образом в сумерках и ночью. За эти звуки выпь на Дону называют бугаем или водяным быком. Этот сигнал умели имитировать многие казаки, что являлось также элементом воинской выучки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.